

★ ((РАЙЧЕЛ)) ★
МИД

ВЕРНЫЕ СВЯЗИ

АКАДЕМИЯ ВАМПИРОВ

ОТКРЫВАЮТ
ВЕРНЫЕ ДВЕРИ

ПОЦЕЛУЙ
ТЬМЫ

Райчел Мид

Поцелуй тьмы

Серия «Вселенная Академии вампиров»

Серия «Академия вампиров», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30808829

Поцелуй тьмы: Э; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-39444-9

Аннотация

Странные и страшные вещи творятся с некоторых пор в Академии вампиров. Слишком часто отключается магическая защита, и на Академию нападают безжалостные стригои, извечные враги вампирского рода. И почему-то жертвами их набегов становятся исключительно представители королевских семей. Что это, роковая случайность? Или чей-то дьявольский план, рассчитанный на захват власти в тайном сообществе детей крови? Принцессе Лиссе, последней из королевской династии Драгомиров, и Розе, ее подруге и верному стражу, потребуются все их силы и магические способности, чтобы разгадать тайну, не став при этом жертвами кровавых интриг.

Впервые на русском! Новая книга культового сериала об Академии вампиров.

Содержание

Один	5
Два	23
Три	43
Четыре	56
Пять	71
Шесть	88
Семь	104
Восемь	114
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Райчел Мид

Поцелуй тьмы

© Жужунава Б., перевод, 2010

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Моим племянникам Джордану и Остину

Один

Кончики его пальцев скользили по спине, высекая искры блаженства и посылая волны дрожи по телу. Медленно, медленно нежные руки опускались все ниже, пока не замерли на изгибах бедер. Его губы сладострастно впились в шею, затем последовал новый поцелуй, чуть ниже, и еще один, и... Мы целовались, тесно прижимаясь друг к другу. Кровь во мне кипела, я чувствовала себя живой, как никогда. Я люблю его, люблю Кристиана так сильно...

Кристиана?

Ох, нет!

Одна часть меня, та, которая могла рассуждать логически, осознавала происходящее – и, черт возьми, была в бешенстве. Другая же часть принимала участие в слиянии тел, словно ласкали и целовали меня. Я настолько сильно погрузилась в сознание Лиссы, что фактически это происходило со мной.

«Нет, – решительно говорила я себе. – Убирайся оттуда!»

Невозможно прислушаться к логике, когда каждая клеточка тела пылает огнем.

«Ты – не она! Уходи из ее головы!»

Его губы. Сейчас в мире не существовало ничего, кроме его губ.

«Это не он! Убирайся!»

Я помнила – поцелуи в точности такие же.

«Нет, это не Дмитрий! Уходи!»

Имя Дмитрия действовало как холодный душ. Я вырвалась на свободу. Села на постели, чувствуя, что задыхаюсь. Ногами попыталась скинуть одеяло, но еще больше запуталась. Сердце неистово колотилось. Несколько раз я глубоко вдохнула, стараясь успокоиться и полностью вернуться в реальность.

Времена изменились. Когда-то я просыпалась от ночных кошмаров Лиссы, теперь меня будила ее сексуальная жизнь. Сказать, что между тем и другим мало разницы, значило ничего не сказать. Я научилась блокировать ее романтические интерлюдии – по крайней мере, в бодрствующем состоянии. Но сейчас Лисса и Кристиан (ненамеренно) провели меня. Во сне самоконтроль слабеет, и чересчур сильные эмоции моей лучшей подруги пробивают защиту, хочу я того или нет. Никакой проблемы не возникло бы, останься каждый из них дома и в своей кровати.

– Господи... – пробормотала я и села, свесив с постели ноги.

Неужели Лисса и Кристиан не могут потерпеть со своими ласками?

Так по-идиотски проснуться – еще не самое худшее; проблема в том, что я все еще чувствовала... Конечно, ничего на самом деле не было. Не моя кожа ощущала ласки, не мои губы ловили поцелуи. И тем не менее я ощущала утрату. Дав-

но я не оказывалась в столь глупой ситуации. Тело ныло и горело от желания. Отчаянно захотелось, чтобы кто-нибудь просто прикоснулся ко мне. Но, уж конечно, не Кристиан. Воспоминание о его губах вспыхнуло в сознании с новой силой. Мое спящее «я» было уверено, будто это Дмитрий целует меня.

Я с трудом встала, чувствуя беспокойство и... печаль. Печаль и пустоту. Стремясь стряхнуть с себя дурной настрой, я надела халат, тапочки и пошла в ванную. Сполоснула лицо холодной водой, посмотрелась в зеркало. Спутанные волосы и налитые кровью глаза не придавали очарования. Я выглядела невыспавшейся, но в постель возвращаться не собиралась, не хотелось рисковать. Пора как следует взбодриться и стряхнуть с себя воспоминания о пережитом.

Покинув ванную, я направилась в сторону лестницы и легко спустилась по ступеням. На первом этаже спального корпуса царили тишина и покой. Был почти полдень – полночь для вампиров, ведущих ночной образ жизни. Скрываясь за дверью, я выглянула в вестибюль. Он оказался пуст, если не считать зевающего мороя за конторкой портье. Он рассеянно листал какой-то журнал, силясь не заснуть. Добравшись до конца журнала, он снова зевнул. Развернул вращающееся кресло, бросил журнал на столик и принялся рыться в поисках нового чтива.

Пока он сидел спиной ко мне, я метнулась к двери. Молясь, только бы она не скрипнула, я приоткрыла ее, совсем

чуть-чуть, и выскользнула наружу. А потом закрыла, тоже очень осторожно. Никакого шума. Самое большее, парень мог почувствовать легкое колебание воздуха. Ощущая себя практически ниндзя, я вышла на дневной свет.

Холодный ветер ударил в лицо, но это было как раз то, в чем я нуждалась. Голые ветки качались от ветра, царапая каменные стены спального корпуса, словно огромные когти. Между свинцовыми облаками проглядывало солнце, напоминая, что я должна находиться в постели и спать. Сощурившись от света, я плотнее закуталась в халат и обошла во круг здания, выйдя к гимнастическому залу. От слякоти на дорожке мои тапочки промокли, но мне было все равно.

Да, стоял типичный скверный зимний день в Монтане – но для меня самое то. Морозный воздух бодрил и прогонял остатки виртуальной любовной сцены, заодно позволяя мне оставаться внутри собственной головы. Лучше сосредоточиться на промозглости и холоде, чем вспоминать, как руки Кристиана ласкали меня.

Я смотрела на маленькую рожицу, но на самом деле не видела ее и с удивлением почувствовала злость на Лиссу и Кристиана. Должно быть, приятно делать все, что душа пожелает. Лисса часто сожалела о невозможности проникать в мое сознание и чувства. Просто она не осознавала, насколько ей повезло. Понятия не имела, каково это – когда мысли другого человека вторгаются в твои, переживания другого человека смешиваются с твоими. На что это похоже – пере-

живать чужую любовь, когда у самой ничего не складывается. Она не понимала, каково до боли в сердце переполняться любовью и не иметь возможности ее выразить. Похоронить любовь в душе – все равно что сдерживать гнев. Она просто пожирает тебя изнутри, доводя до сумасшествия.

Нет, Лисса ничего не понимает. И не нужно. Пусть продолжает наслаждаться собственными любовными переживаниями, независимо от того, как они отражаются на мне. Я заметила, что опять тяжело дышу, теперь от злости. Сентиментальные чувства, вызванные полуночным слиянием Лиссы и Кристиана, ушли. Их сменили гнев и зависть. Я прикладывала все усилия, дабы избавиться от таких эмоций – неприятно испытывать их по отношению к лучшей подруге.

– Ты страдаешь лунатизмом? – произнес голос у меня за спиной.

Испугавшись, я резко обернулась. Там стоял Дмитрий, глядя на меня с веселым удивлением и любопытством. Чудная закономерность – пока я стояла тут, злясь на проблемы, порожденные отсутствием личной жизни, источник этих проблем нашел меня сам. Я не услышала его приближения. Вот тебе и ниндзя. И что мне стоило перед уходом расчесаться? Я торопливо провела рукой по длинным волосам, хоть и понимала, что опоздала с этим. Наверное, прическа напоминала воронье гнездо.

– Я проверяла охрану спального корпуса, – ответила я. – Увы, не на высоте.

Намек на улыбку заиграл на его губах. Меня по-настоящему начал пробирать холод, и я невольно подумала, каким теплым выглядело его длинное кожаное пальто. Вот бы вернуться в него...

– Ты, наверно, замерзла. Хочешь мое пальто? – сказал он, словно прочитав мои мысли.

Я покачала головой, хотя, по правде говоря, уже не чувствовала собственных ног.

– Все нормально. А ты что здесь делаешь? Тоже проверяешь охрану?

– Я и есть охрана. Сейчас мое дежурство.

Школьные стражи всегда по очереди патрулируют кампус, пока все спят. Стригои, эти не-мертвые вампиры, преследующие живых вампиров вроде Лиссы, не выносят солнечного света, но студенты, нарушающие правила – скажем, тайком покидающие спальные корпуса, – представляли опасность и днем и ночью.

– Ну, ты хорошо поработал, – сказала я. – Рада, что участвовала в проверке твоих удивительных способностей. А теперь мне пора идти.

– Роза...

Дмитрий сжал мое плечо, и, несмотря на ветер, холод и слякоть, меня окатила волна жара. Его рука чуть-чуть ослабила хватку – как будто он тоже обжегся.

– Что ты тут делаешь?

Это было произнесено с интонацией «хватит морочить

мне голову». Ну, я и сказала ему ту часть правды, которую могла.

– Мне приснился плохой сон. Захотелось подышать свежим воздухом.

– И ты просто взяла и выскочила, даже не задумываясь о нарушении правил – и что неплохо бы надеть куртку.

– Да. Все верно.

– Роза, Роза. – На этот раз в его голосе звучало раздражение. – Ты не меняешься. Всегда действуешь не раздумывая.

– Неправда! Я сильно изменилась.

Он пристально разглядывал меня, уже без намека на улыбку, с выражением растущего беспокойства. Иногда возникало чувство, будто Дмитрий способен заглянуть прямо в душу.

– Ты права. Изменилась.

Все-таки признав произошедшие перемены, довольным он не выглядел. Наверное, думал о событиях трехнедельной давности, когда я и несколько моих друзей попали в плен к стригоям. Это было исключительным везением, что нам удалось сбежать. Увы, не все вырвались на свободу, погиб Мейсон, настоящий друг, который надеялся завоевать мою любовь. Никогда не смогу простить себя, хотя и прикончила его убийц.

С тех пор мое восприятие жизни стало более мрачным. Правда, теперь все в Академии Святого Владимира воспринимают жизнь в более мрачных тонах, но я в особенности.

Люди начали замечать, что я стала другой. Однако мне не нравилось видеть Дмитрия таким озабоченным, поэтому я прервала его размышления шуткой.

– Да ладно, не волнуйся. Скоро мой день рождения. Как только мне стукнет восемнадцать, я стану взрослой, верно? Уверена – проснувшись в то утро, я сразу почувствую себя зрелой и все такое.

Как я и рассчитывала, его лицо смягчилось, на губах промелькнула улыбка.

– Да, я тоже в этом уверен. Когда, через месяц?

– Через тридцать один день, – объявила я.

– Ты что, их считаешь?

Я пожала плечами, и он рассмеялся.

– Надо думать, список подарков у тебя уже готов. Сколько он занимает? Десять страниц через один интервал? В порядке значимости?

Улыбка все еще играла на его устах – расслабленная, искренне веселая, очень редкая гостья для моего наставника. Я хотела продолжить разговор в том же шутливом тоне, но внезапно в сознании вспыхнули образы Лиссы и Кристиана. Ощущение печали и внутренней пустоты вернулось. Все, чего я могла бы пожелать, – новые наряды, айпод, да что угодно, – внезапно показалось таким банальным по сравнению с тем, чего я хотела больше всего. Господи, я и в самом деле изменилась.

– Нет, – ответила я еле слышно. – Нет никакого списка.

Он слегка наклонил голову, чтобы лучше видеть меня, и волосы скрыли его лицо. Они у него темные, наподобие моих, но все же чуть светлее. Мои иногда кажутся совсем черными. Он отбросил с лица непослушные пряди, но они тут же упали обратно.

– Не верю. Неужели ты ничего не хочешь? Скучный будет день рождения.

«Свободы», – подумала я.

Единственный дар, которого я страстно желала, – свободу, и делать выбор по своему усмотрению, и любить, кого хочу.

– Не имеет значения, – сказала я.

– Ты...

Он не договорил, потому что понял, он всегда меня понимал. Отчасти поэтому между нами и возникла некая связь, несмотря на семилетнюю разницу в возрасте. Мы влюбились друг в друга прошлой осенью, когда он стал моим инструктором. Притяжение между нами накалялось, и вскоре выяснилось, что у нас есть и другие поводы для беспокойства, кроме разницы в возрасте. После окончания Лиссой Академии мы оба должны стать ее стражами и не сможем совмещать личную жизнь с работой. Ведь она высший приоритет.

Конечно, легче сказать, чем сделать, поскольку чувства, испытываемые друг к другу, никуда не делись. У нас обоих бывали моменты слабости, моменты, заканчивающиеся запретными поцелуями или словами, которые не должны были прозвучать. После моего бегства от стригоев Дмитрий при-

знался, что любит меня и поэтому никогда не сможет быть ни с кем другим. Тем не менее ситуация в целом не изменилась. Мы по-прежнему не могли быть вместе и потому вернулись к первоначальной манере поведения – избегать друг друга и делать вид, будто наши отношения носят исключительно профессиональный характер.

– Ты можешь отрицать сколько угодно, но я знаю, тебе холодно. Возвращайся в кампус. Я проведу тебя, – попытался он незаметно сменить тему разговора.

По правде говоря, я немного удивилась. Дмитрий редко уклонялся от обсуждения неудобных тем. Фактически он был печально известен тем, что втягивал меня в разговоры, которые я не хотела вести. Но обсуждать наши бесплодные, зародившиеся под несчастливой звездой отношения? По-видимому, сегодня он не хотел. Да. Многое определенно изменилось.

– Думаю, замерз ты, – поддразнила его я, когда мы возвращались к спальному корпусу новичков. – С чего бы, учитывая, откуда ты родом?

– Вряд ли ты правильно представляешь себе Сибирь.

– Эту холодную, дикую местность?

– Ну, твое представление определенно не соответствует действительности.

– Ты скучаешь по ней? – спросила я, оглянувшись на него.

До сих пор подобная мысль никогда не приходила мне в голову. По моим представлениям, все хотели бы жить в

США... или, по крайней мере, не хотели бы жить в Сибири.

– Все время, – с тоской в голосе ответил он. – Иногда я жалею...

– Беликов!

Голос, принесенный ветром, прозвучал за нашими спинами. Дмитрий пробормотал что-то и толкнул меня за угол, который мы только что обогнули.

– Спрячься.

Я скрылась среди кустов барбариса, растущих позади дома. Ягод на них не было, но плотно растущие колючки царапали неприкрытую кожу. Ну, по сравнению с холодом и боязнью, что станет известно о моей ночной прогулке, несколько царапин не представляли собой проблему.

– Ты же не дежуришь, – спустя несколько мгновений произнес Дмитрий.

– Нет, но мне нужно поговорить с тобой.

Я узнала голос. Альберта, командир академических стражей.

– Разговор займет не больше минуты. Нужно переставить дежурства, пока ты будешь на судебном разбирательстве.

– Я уже прикидывал, – сказал он со странными нотками смущения в голосе. – Это приведет к перегруженности остальных... сейчас не самый подходящий момент.

– Да, ну... у королевы свое расписание. – Голос Альберты звучал разочарованно; я силилась понять, что происходит. – Селеста подежурит за тебя, и они с Эмилем поделят между

собой твои тренировочные занятия.

Тренировочные занятия? Дмитрий не будет проводить тренировки на следующей неделе, потому что... Ах! Ну конечно, поняла я. Полевые испытания. Завтра начинается шестинедельная практика для нас, новичков. Никаких уроков. Днем и ночью мы будем защищать мороев, а взрослые стражи должны тестировать нас.

– Они не возражают против дополнительной нагрузки, – продолжала Альберта, – но не смог бы ты подежурить до отъезда несколько смен за них?

– Конечно, – бросил он все еще как-то натянуто.

– Спасибо. Думаю, тогда все в порядке. – Она вздохнула. – Хотелось бы знать, сколько времени продлится разбирательство. Не хочу слишком долго отсутствовать. Ты думал, на этом с Дашковым будет покончено, но я слышала, королева не склонна держать в тюрьме королевских особ.

Я окаменела. Мороз побежал по коже – мороз, не имеющий никакого отношения к зимнему дню. Дашков?

– Уверен, все сделают правильно, – сказал Дмитрий.

И тут до меня дошло, почему он говорит так скупно – их разговор не предназначался для моих ушей.

– Надеюсь. И еще надеюсь, поездка займет всего несколько дней, как они и говорили. Слушай, здесь так зябко. Заглянем на минутку в офис, посмотрим расписание?

– Конечно, – ответил он. – Я только кое-что закончу сначала.

– Хорошо. Жду тебя.

Стало тихо; видимо, Альберта ушла. Вскоре из-за угла показался Дмитрий и остановился перед кустарником. Я вылезла оттуда. Одного взгляда на его лицо было достаточно, чтобы предсказать дальнейший разговор.

– Роза...

– Дашков? – прошипела я как можно тише. – Тот самый Виктор Дашков?

Он не стал отрицать.

– Да. Виктор Дашков.

– Вы говорили о... Вы имели в виду... – Я настолько испугалась, что утратила дар речи и никак не могла собраться с мыслями. – Я думала, он давно под арестом! А получается, даже судебного разбирательства еще не было?

Да. Мне трудно было поверить. Виктор Дашков. Он преследовал Лиссу, пытал ее морально и физически, хотел подчинить себе. Каждый морей может использовать магию в одной из четырех стихий: земля, воздух, вода или огонь. Лисса, однако, оказалась способна работать с пятой стихией под названием дух, о которой никто и не знал. Она могла исцелить что угодно... даже оживить мертвого. Именно так возникла наша необычная связь с ней. Я – «поцелованная тьмой». В автомобильной аварии погибли ее родители, брат и я, она вернула меня к жизни, что и связало нас навечно, поэтому я могу воспринимать ее мысли и чувства.

Виктор узнал, что она может исцелять, и захотел запереть

ее в четырех стенах, использовать в качестве личного «Фонтана молодости»¹. Он, не колеблясь, убивал всех, кто вставал на его пути, – или, как в случае с Дмитрием и мной, использовал более изобретательные способы, желая остановить противников. За свои семнадцать лет я успела нажать немало врагов, но единственный, кого я ненавидела так сильно, был Виктор Дашков – по крайней мере, среди живых.

На лице Дмитрия возникло хорошо известное мне выражение. Оно появлялось, когда он думал, что я готова врезать кому-нибудь.

– Он и сидит под замком... но суд еще не состоялся. Процессуальные действия иногда занимают много времени.

– А теперь будет суд? И ты на него поедешь?

Пытаясь успокоиться, я говорила сквозь стиснутые зубы, но, подозреваю, по-прежнему сохраняла кровожадное выражение лица.

– На следующей неделе. Я и несколько других стражей должны дать показания относительно произошедшего с тобой и Лиссой той ночью.

При упоминании о событиях четырехмесячной давности на его лице появилось хорошо знакомое мне выражение – серьезности и яростного желания защитить тех, о ком он тревожится и кто подвергается опасности.

¹ «Фонтан молодости» – источник омоложения, по легенде, находящийся на одном из островов у побережья Флориды, которая, как предполагают, была открыта именно в процессе поисков этого источника. (Здесь и далее прим. перев.)

– Назови меня сумасшедшей за такой вопрос, если хочешь, но... ммм... мы с Лиссой поедem с тобой?

Я уже догадывалась, каков будет ответ, и это меня не радовало.

– Нет.

– Нет?

– Нет.

Я уперла руки в боки.

– Послушай, разве мы не должны присутствовать там, где будут говорить о нас?

Дмитрий, вжившись в роль строгого инструктора, покачал головой.

– Королева и некоторые стражи считают, что будет лучше, если вы не поедете. Доказательств достаточно, и, кроме того, преступник или нет, он – представитель одной из самых влиятельных королевских семей. Те, кому известно об этом разбирательстве, хотят, чтобы все прошло тихо.

– Значит, вы решили, что если мы там появимся, то разболтаем всей округе об этом?! – воскликнула я. – Брось, товарищ! Ты что, правда так думаешь? Мы хотим одного – чтобы Виктор оказался за решеткой. Навсегда. А может, и еще на дольше. И если есть хотя бы крошечный шанс, что он выйдет на свободу, вы должны позволить нам поехать.

После того как Виктора схватили и посадили в тюрьму, я решила, что на этом все закончилось. Думала, он так и сгниет там. Мне и в голову не приходило – хотя должно бы, – что по-

требуется еще какое-то судебное разбирательство. Его преступления казались очевидными. Но хотя моройское правительство существует и действует в полной тайне от человеческого, между ними много общего, к примеру надлежащая правовая процедура и тому подобное.

– Не я принимаю решения, – ответил Дмитрий.

– Однако ты имеешь влияние. Можешь высказаться в нашу пользу, в особенности если... – Мой гнев слегка потускнел, сменившись внезапным, острым ощущением страха. Мне даже с трудом дались следующие слова. – В особенности если существует шанс, что его выпустят. Он существует? Королева освободит его?

– Не знаю. Нет никаких разговоров о том, что собираются сделать она и другие высокопоставленные представители королевских семей.

Внезапно на лице его отразилась усталость. Он достал из кармана связку ключей и бросил мне.

– Послушай, я понимаю, ты расстроена, но давай обсудим эту проблему позже. Меня ждет Альберта, а тебе нужно вернуться к себе. Вон тем квадратным ключом откроешь заднюю дверь. Ты знаешь, где она.

– Да. Спасибо.

Он помог мне избавиться от неприятностей с возвращением в корпус, а я все равно дулась и на него и на себя и ничего не могла с собой поделать. Виктор Дашков преступник... даже злодей. Он жаждал могущества, богатства и не

остановился бы ни перед чем ради достижения собственных целей. Если он снова окажется на свободе... ну, никто не задумывался о последствиях. Я дрожала от ярости при мысли, что могла бы помочь упрятать его за решетку, а мне не позволяют вмешиваться.

Я отошла уже на несколько шагов, когда Дмитрий окликнул меня.

– Роза!

Я оглянулась.

– Мне очень жаль. – Он помолчал, и выражение сочувствия на его лице сменилось настороженностью. – И непременно завтра верни мне ключи.

Я отвернулась и продолжила путь. Наверное, так думать неправильно и по-детски наивно, но я верила: Дмитрий может все. Если бы он действительно хотел, чтобы мы с Лиссой приняли участие в судебном разбирательстве, – он бы этого добился.

Уже почти у самой задней двери периферийным зрением я уловила какое-то движение. Настроение упало еще ниже. Замечательно. Дмитрий вручил мне ключи, давая возможность незаметно проскользнуть внутрь, и пожалуйста – кто-то все равно застукал меня. Типично с точки зрения моей везучести. Почти уверенная, что сейчас какой-нибудь учитель потребует от меня отчета в том, что я тут делаю, я повернулась и приготовилась оправдываться.

Однако это был не учитель.

– Нет, – пролепетала я. – Нет.

У меня даже мелькнула мысль: может, я все еще сплю? Лежу в постели, сплю и вижу сон.

Это было единственное объяснение увиденному. На одной из академических лужаек, в тени древнего, узловатого дуба стоял Мейсон.

Два

Он – или оно, или черт знает что – ускользал от взгляда. Потребовалось сильно сощуриться, чтобы его разглядеть. Его фигура выглядела нематериальной – почти полупрозрачной – и то появлялась в поле зрения, то снова исчезала.

Но судя по тому, что я сумела разглядеть, он определенно был похож на Мейсона. Черты лица размыты, кожа бледнее, чем обычно. Рыжие волосы выглядели как бледно-оранжевые. Веснушек и вовсе не разглядеть. На нем была одежда, в которой я видела его в последний раз: джинсы и желтая флисовая куртка, из-под нижнего края которой выглядывал зеленый свитер. Эти цвета тоже были смягчены. Он напоминал фотографию, выцветшую на солнце. И казалось, его фигуру очерчивало очень слабое мерцание.

Что меня поразило сильнее всего – не считая того факта, что вообще-то он был мертв, – это выражение лица. Печальное... такое ужасно печальное. Глядя в его глаза, я чувствовала, что мое сердце дает перебои. Все воспоминания о случившемся несколько недель назад обрушились на меня. Я снова увидела его падающее тело, злобное выражение на лицах стригоев... В горле возник ком. Я стояла ошеломленная, неспособная двинуться.

Он тоже разглядывал меня, с тем же выражением лица. Печальным. Мрачным. Серьезным. Он открыл рот, собира-

ясь заговорить, и снова закрыл его. Между нами повисло тягостное молчание, а потом он вскинул руку и протянул ее ко мне. Что-то в этом движении вывело меня из оцепенения. Нет, невозможно. Мейсон мертв. Я своими глазами видела его смерть.

Он слегка пошевелил пальцами, словно подзывал к себе, и я запаниковала. Попятилась на несколько шагов, увеличивая расстояние между нами и рассчитывая увидеть, какой будет его реакция. Он не последовал за мной. Просто стоял, вытянув перед собой руку. Сердце опять дало сбой. Я повернулась, побежала и почти у самой двери оглянулась, стараясь успокоить дыхание. Поляна, где он стоял, была совершенно пуста.

Я поднялась к себе и дрожащими руками захлопнула дверь. Рухнула на постель, пытаясь объяснить себе случившееся. Какого черта? Это нереально. Не могло быть. Мейсон мертв, а все знают: мертвые не возвращаются. Ну да, я-то вернулась... но то была совсем другая ситуация. Ясное дело, я все вообразила. Точно. Единственное разумное объяснение. Я переутомлена, все еще не в себе после утех Лиссы и Кристиана, не говоря уж о новостях касательно Виктора Дашкова. Наверно, и холод повлиял на мозги. Да, чем дольше я думала, тем больше убеждалась – случившемуся можно дать сотню объяснений.

Тем не менее, даже без конца твердя себе это, уснуть я не могла. Лежала в постели, натянув до подбородка одеяло

и пытаюсь выкинуть из головы навязчивый образ. Но ничего не получалось. Перед моим внутренним взором мерцали грустные-грустные глаза, которые, казалось, вопрошали: «Роза, как ты допустила, чтобы меня постигла такая судьба?»

Я зажмурилась, пытаюсь не думать о нем. После похорон Мейсона я очень старалась вести себя так, будто я сильная. Однако истина состояла в том, что его смерть все еще не отпускала меня. День за днем я терзала себя, задаваясь вопросами типа: «А что, если бы?» Что, если бы, сражаясь со стригоями, я действовала быстрее и сильнее? Что, если бы я не проболталась ему, где могут находиться стригои? И что, если бы я смогла ответить на его любовь? Любое из этих «если бы» могло спасти ему жизнь, но ни одно из них не реализовалось. И я чувствовала свою вину.

– Я все вообразила, – шептала я в темноту.

Конечно, вообразила. Мейсон уже являлся мне во сне, не хватало только видеть его еще и наяву.

– Это не он.

Да, таково единственное объяснение. Поскольку, веря в вампиров, магию и психические силы, я совершенно точно не верила в призраков.

По-видимому, я не верила и в сон, потому что в ту ночь на мою долю его выпало очень мало. Я ворочалась и металась, не в состоянии остановить поток мыслей. В конце концов я

все же заснула, но будильник зазвонил так быстро, что проспала я не дольше нескольких минут.

У людей обычно день прогоняет ночные кошмары и страх. Я была лишена спасительного света, ибо проснулась в сгущающейся темноте. Однако возможность находиться рядом с реальными, живыми людьми имела почти такой же эффект, и, отправившись на завтрак, а потом на утреннюю тренировку, я обнаружила, что увиденное ночью – или то, что, как мне казалось, я видела, – постепенно стирается из памяти. Ощущение пугающей странности от встречи с Мейсоном также сменилось возбуждением. Вот он, наш Большой День. Началось полевых испытаний.

На протяжении последующих шести недель не будет никаких уроков. Я проведу все дни рядом с Лиссой, а делать мне предстоит лишь одно – писать ежедневный отчет размером в полстраницы, не больше. Легко. И да, конечно, я буду стражем при исполнении обязанностей, но это меня не волновало. Это мое второе «я». Мы с Лиссой на протяжении двух лет жили среди людей, и все это время я защищала ее. До этого, еще первокурсницей, я видела многочисленные тесты, которые взрослые стражи разрабатывали для новичков на стадии полевого испытания. Такие хитроумные, коварные, а на деле абсолютная ерунда. Новичку нужно быть все время настороже, не расслабляться и в случае необходимости быть готовым к защите и нападению. Меня все это мало беспокоило. Пока мы с Лиссой были в бегах, я слегка

отстала в учебе, но благодаря дополнительным занятиям с Дмитрием быстро нагнала упущенное и сейчас была одной из лучших в своем классе.

– Привет, Роза.

Эдди Кастиль нагнал меня по дороге в гимнастический зал, где нам предстояло получить ориентировку относительно полевых испытаний. На один краткий миг при виде Эдди сердце у меня упало. Глядя в его печальное лицо, я внезапно ощутила, будто я снова с Мейсоном в нашем внутреннем дворе.

Эдди, вместе с бойфрендом Лиссы Кристианом и моройкой по имени Мия, тоже угодил в плен к стригоям. Эдди не умер, но был чрезвычайно близок к этому. Захвативший нас стригой «кормился» им, регулярно пил его кровь, пока мы находились в плену, специально, чтобы дразнить мороев и пугать дампиров. Это сработало, лично я была в ужасе. Бедняга Эдди бо2льшую часть заключения провел в бессознательном состоянии – из-за потери крови и благодаря эндорфинам от укуса вампира. Он был лучшим другом Мейсона, почти такой же веселый и легкий в общении.

Однако со времени нашего спасения Эдди изменился, так же как и я. Он по-прежнему был скор на улыбку и смех, но в нем появилась какая-то мрачность и такое серьезное, настороженное выражение глаз, как будто он все время ожидал, вдруг случится что-то ужасное. Это можно понять. На его долю выпало достаточно кошмаров! Как и в случае со смер-

тью Мейсона, я считала себя ответственной за эту трансформацию Эдди и за все, что ему пришлось вынести от рук стригоев. Может, по отношению ко мне это было и несправедливо, но я не могла иначе. Я чувствовала себя в долгу перед ним, как будто теперь обязана защищать его и стараться облегчить ему жизнь.

И самое забавное, мне казалось, что Эдди тоже старается защищать меня. Нет, он не ходил за мной по пятам, ничего такого, но я заметила, что он постоянно наблюдает за мной. Думаю, после случившегося он чувствовал себя обязанным Мейсону приглядывать за его подружкой. Я никогда не рассказывала Эдди, что вовсе не была подружкой Мейсона – по крайней мере, в общепринятом смысле этого слова, – но и никогда не укоряла его за поведение «старшего брата». Хотя могла и сама позаботиться о себе. Но, наблюдая, как он отваживает от меня других парней, объясняя им, что я пока не готова ни с кем встречаться, я не видела смысла вмешиваться. Потому что он говорил правду. Я не была готова к новым свиданиям. Эдди одарил меня кривой улыбкой, которая придавала ему вид маленького мальчика, добавляя привлекательности удлинённому лицу.

– Радуетесь?

– Черт, да, – ответила я.

Наши одноклассники сидели на скамейках на одной стороне гимнастического зала, и мы нашли свободные места где-то в середине.

– Это будет что-то вроде каникул. Я и Лисса вместе на протяжении шести недель.

Временами наша связь доставляла мне немало огорчений, но она же делала меня идеальным стражем. Я всегда знала, где она и что с ней происходит. Когда мы закончим Академию, я буду официально назначена ее стражем.

– Да, тебе, полагаю, особенно не о чем беспокоиться, – задумчиво сказал Эдди. – Ты знаешь, к кому тебя прикрепят. Нам, остальным, повезло меньше.

– Ты положил глаз на кого-то из королевской семьи? – поддразнила я.

– Какая разница, положил или не положил? В последнее время большинство стражей распределяются к членам королевских семей.

Это правда. Дампиров – наполовину вампиров типа меня – было очень мало, и члены королевских семей обычно первыми получали стражей. В прежние времена стражей получали морои как королевских кровей, так и нет. Тогда новички яростно конкурировали между собой за право получить назначение к кому-нибудь влиятельному. Теперь почти не вызывало сомнений, что все стражи будут работать с членами королевских семей. Нас было слишком мало, и менее влиятельным семьям приходилось полагаться на самих себя.

– Однако остается вопрос, к кому именно тебя назначат, верно? – сказала я. – В смысле, некоторые из них жуткие снобы, но в большинстве с шиком. Попадешь к кому-нибудь

по-настоящему богатому и влиятельному и будешь жить при королевском дворе или разъезжать по всяким экзотическим местам.

Эта последняя часть сильно волновала меня – я часто фантазировала, как мы с Лиссой путешествуем по миру.

– Ага, – согласился Эдди и кивнул в сторону парней в переднем ряду. – Ты не поверишь, как только эти трое не подлизывались к Ивашковым и Селски. Это, конечно, не повлияет на их распределение сейчас, но они таким образом пытаются застолбить себе места впрок, когда закончат Академию.

– Ну, на это могут повлиять полевые испытания.

Эдди снова кивнул и начал говорить что-то, но тут громкий, ясный женский голос перекрыл негромкое бормотание в зале. Пока мы разговаривали, инструктора собрались перед скамьями и теперь выстроились в ряд лицом к нам. Дмитрий тоже был тут, мрачный, внушительный и неотразимый.

Альберта воззвала к нам, требуя внимания. Ей за сорок, она жилистая, сильная. При виде ее я вспомнила их с Дмитрием разговор нынешней ночью, но отложила это на потом. Виктору Дашкову не удастся испортить мне этот значительный момент.

Наступила тишина.

– Хорошо, – начала Альберта. – Все вы знаете, зачем находитесь здесь. – Мы были так напряжены и взволнованы, сидели так тихо, что ее голос почти звенел в пространстве гимнастического зала. – Это самый важный день вашей

го обучения перед окончательными, последними испытаниями. Сегодня вы узнаете, к какому морю будете прикреплены. На прошлой неделе все вы получили брошюры с подробным описанием того, как будут протекать последующие шесть недель. Уверена, вы прочли их. – Я-то уж точно прочла; по-моему, я ничего в жизни не читала так внимательно. – Страж Альто подведет краткий итог, перечислив основные правила полевого испытания.

Она передала пюпитр с прикрепленными к нему листами бумаги стражу Стэну Альто. Мне он нравился меньше других инструкторов, однако после гибели Мейсона напряжение между нами ослабело. Теперь мы лучше понимали друг друга.

– Итак, – чуть охрипшим голосом заговорил Стэн, – вы состоите при исполнении обязанностей шесть дней в неделю. Это мы делаем вам поблажку, ребята. В реальной жизни вы работаете каждый день. Будете сопровождать своего моря повсюду – в школу, в спальный корпус, к «кормильцам». Всюду. Как вы впишетесь в их жизнь, целиком зависит от вас. Некоторые морю общаются со своими стражами как с друзьями, другие предпочитают, чтобы вы выступали в роли невидимого призрака и не разговаривали с ними. – Неужели он действительно употребил слово «призрак»? – Все ситуации разные, и вам обоим придется найти способ такого взаимодействия, который наилучшим образом обеспечит безопасность вашего моря.

Нападения могут иметь место в любой момент, где угодно. Когда это произойдет, мы будем одеты во все черное. Вы должны всегда быть настороже. Помните, хотя вы и знаете, что нападение организовано нами, а не настоящими стригоями, ваша реакция должна быть такой, как будто вам угрожает непосредственная опасность. Не бойтесь причинить нам вред. Уверен, у некоторых из вас возникнет идея отомстить нам за прошлые обиды. – Среди учащихся слышались смешки. – Однако другие, вполне возможно, постараются сдерживать себя, опасаясь неприятностей. Не делайте этого. У вас может быть гораздо больше неприятностей, если вы дадите слабину. Не переживайте. Мы уж как-нибудь вытерпим.

Он перевернул страницу.

– На протяжении шестидневного цикла вы находитесь на дежурстве двадцать четыре часа в сутки, но днем можете спать – когда спят ваши морои. Просто помните, что, хотя стригои редко нападают при дневном свете, они могут заранее проникнуть внутрь, и о полной безопасности не может быть и речи.

Стэн перечислил еще несколько организационных моментов, и я незаметно отключилась. Все это было мне известно. Да и не только мне. Оглядываясь по сторонам, я видела, что не одну меня снедает нетерпение. Всеми владели волнение и мрачные предчувствия. Руки стиснуты. Глаза широко распахнуты. Мы жаждали получить свои назначения... и поско-

рее.

Закончив, Стэн вернул пюпитр Альберте.

– Идем дальше, – заговорила она. – Я буду называть ваши фамилии и сообщать, к кому вы прикреплены. Когда это произойдет, выходите сюда, и страж Чейз вручит вам пакет с информацией – расписание вашего мороя, его биография и тому подобные сведения.

Она принялась листать страницы, и все мы напряженно выпрямились. Послышались шепотки. Рядом со мной Эдди издал тяжкий вздох.

– Ох, господи! Надеюсь, мне выпадет кто-нибудь приличный. Не хочу на протяжении шести недель чувствовать себя несчастным.

Я успокаивающе сжала его руку.

– Конечно, – прошептала я. – В смысле, тебе непременно выпадет кто-нибудь хороший и ты не будешь чувствовать себя несчастным.

– Райан Эйлсворт, – четко произнесла Альберта.

Эдди вздрогнул – и я догадалась почему. Раньше первым в списке нашего класса всегда стоял Мейсон Эшфорд²; больше этого не будет никогда.

– Ты назначаешься к Камилле Конта.

– Черт! – пробормотал за нашими спинами кто-то, по-ви-

² Список читается по алфавиту, начиная с первой буквы английского алфавита – А; эти фамилии, Эйлсворт и Эшфорд, по-английски пишутся следующим образом: Aylesworth и Ashford.

димому рассчитывавший получить распределение к Конта.

Райан был одним из тех подлиз в переднем ряду. Он широко осклабился и пошел за своим пакетом. Конта была «восходящей звездой» среди королевских семей. Ходили слухи, что один из ее членов был кандидатом, когда моройская королева выбирала своего наследника. Плюс и сама Камилла была девушка приятная. Ходить за ней по пятам – для любого парня не слишком трудная задача. Райан возвращался на свое место с развязным и явно очень довольным видом.

– Дин Барнс, – прочла дальше Альберта. – Ты получаешь Джесси Зеклоса.

– Уффф... – одновременно выдохнули мы с Эдди.

Если бы меня распределили к Джесси, ему понадобился бы добавочный защитник – от меня.

Альберта продолжала называть имена, и я заметила, что Эдди вспотел.

– Пожалуйста, пожалуйста, пусть мне достанется кто-нибудь приличный, – бормотал он.

– Так и будет, – сказала я. – Так и будет.

– Эдисон Кастиль, – возвестила Альберта; он тяжело задышал. – Василиса Драгомир.

Мы с Эдди на мгновение замерли, а потом долг заставил его встать и выйти вперед. Идя туда, он через плечо бросил на меня быстрый панический взгляд. Выражение его лица, казалось, говорило: «Не понимаю! Не понимаю!»

То же относилось и ко мне. Мир вокруг приобрел рас-

плывчатые очертания. Альберта продолжала называть имена, но я ничего не слышала. Что происходит? К Лиссе должна быть назначена я. Я буду ее стражем, когда мы закончим школу. Бессмыслица какая-то. Сердце бешено колотилось. Я смотрела, как Эдди подходит к стражу Чейзу и принимает из его рук пакет и учебный кол. Он тут же заглянул в бумаги и, наверно, дважды проверил имя, уверенный, что это какая-то путаница. Когда он поднял взгляд, по выражению его лица стало ясно, что там действительно имя Лиссы.

Я сделала глубокий вдох. Ладно. Пока нет нужды паниковать. Это просто канцелярская ошибка, которую можно исправить. Фактически они просто обязаны исправить ее как можно скорее.

Когда они дойдут до меня и там снова прочтут имя Лиссы, тут-то до них и дойдет, что они приставили двух стражей к одному морою. Они исправят ошибку и прикрепят Эдди к кому-нибудь другому. Чего-чего, а мороев у нас хватает. Их гораздо больше в школе, чем дампинов.

– Розмари Хэзевей. – Я напряглась. – Кристиан Озера.

Я просто таращилась на Альберту, не в состоянии произнести ни слова. Нет. Она не говорила того, что мне послышалось. Некоторые, заметив, что я продолжаю сидеть, начали оглядываться на меня. Но я словно оцепенела. Это невозможно. Видение Мейсона нынешней ночью казалось реальнее, чем это. Спустя несколько мгновений до Альберты тоже дошло, что я остаюсь на месте. Она подняла взгляд и с раз-

драженным видом зашарила им по толпе.

– Роза Хэзевей?

Кто-то подтолкнул меня локтем; видимо, подумал, что я не расслышала свое имя. Сглотнув, я встала и, точно робот, пошла между скамейками. Это ошибка. Это должно быть ошибкой. Я подошла к стражу Чейзу, ощущая себя марионеткой, которую дергают за ниточки. Он вручил мне пакет и учебный кол, предназначенный для того, чтобы «убивать» взрослых стражей, и я отошла в сторону, освобождая место для следующего.

Не веря своим глазам, я три раза перечитала распределение. Кристиан Озера. Открыла пакет, и вся его жизнь развернулась передо мной. Фотография в настоящий момент. Расписание уроков. Родословная. Биография. Там даже была описана трагическая история его родителей – как они по доброй воле стали стригоями и убили несколько человек, прежде чем в конце концов их поймали и уничтожили.

Согласно инструкции, мы, получив пакет, должны были прочесть досье, упаковать сумку с необходимыми вещами и за ланчем встретиться со своим мороем. Пока продолжали звучать имена, многие мои одноклассники оставались в гимнастическом зале, разговаривали со своими друзьями, показывали друг другу пакеты. Я держалась рядом с одной такой группой, благоразумно дожидаясь возможности поговорить с Альбертой и Дмитрием. Это было признаком моего недавно развившегося терпения – что я тут же не подошла к ним

и не потребовала ответа. Поверьте, я жаждала именно так и поступить. Но вместо этого позволила огласить весь список, что, по ощущению, длилось целую вечность. В самом деле, сколько времени нужно, чтобы прочесть не такой уж большой перечень имен?

Когда последний новичок получил своего мороя, Стэн сквозь жужжание голосов прокричал, что пора переходить к следующей стадии, и начал выгонять моих одноклассников из зала. Я прошла сквозь толпу прямо к Альберте и Дмитрию, которые, по счастью, стояли рядом, обсуждали какие-то административные вопросы и не сразу заметили меня.

Когда наконец меня увидели, я протянула им свой пакет.
– Что это?

Альберта выглядела озадаченной и смущенной. Что-то в лице Дмитрия подсказало мне, что он именно такой реакции с моей стороны и ожидал.

– Твое назначение, мисс Хэзевей, – ответила Альберта.

– Нет, – произнесла я сквозь стиснутые зубы. – Не мое назначение. А назначение кого-то другого.

– Назначения в условиях полевых испытаний обязательны к исполнению, – суровым тоном заявила она. – Точно так же, как назначения в реальном мире. Ты не можешь выбирать, кого защищать, руководствуясь своими капризами и настроением, – не сейчас и определенно не по окончании Академии.

– Но по окончании школы я буду стражем Лиссы! – вос-

кликнула я. – Это всем известно. Я рассчитывала, что и сейчас получу ее.

– Я знаю о существовании распространенного мнения, что по окончании школы вы будете вместе, но что-то не припоминаю никаких постановлений, где было бы сказано, что ты должна быть с ней и сейчас, во время школьных испытаний. Ты будешь работать с тем, кого тебе назначили.

– С Кристианом? – Я швырнула мой пакет на пол. – Вы, наверно, не в своем уме, если думаете, что я буду у него стражем!

– Роза! – взорвался Дмитрий, вступив наконец в разговор. Его голос звучал так жестко, так резко, что я вздрогнула. – Ты переходишь все границы. Так с инструкторами не разговаривают.

Терпеть не могу, когда меня укоряют. В особенности терпеть не могу, когда меня укоряет он. И тем более не могу терпеть, когда, укоряя меня, он прав. Но я ничего не могла поделать с собой. Я была ужасно рассержена, да и недосып сказывался. Нервы обнажены, натянуты, и внезапно стало трудно выносить даже мелкие неприятности. А крупные вроде этой? Просто невозможно выносить.

– Извините, – выдавила я против воли. – Но это глупо. Почти так же глупо, как не брать нас на суд над Виктором Дашковым.

Альберта удивленно посмотрела на меня.

– Откуда тебе известно... Не важно, позже разберемся. В

данный момент ты получила распределение и должна принять его.

Внезапно рядом со мной раздался исполненный сочувствия голос Эдди. До этого я на какое-то время потеряла его из вида.

– Послушайте... Я не возражаю... Мы можем поменяться...

Альберта обратила свой ледяной взор на него.

– Нет, не можете. Твое назначение – Василиса Драгомир. – Она перевела взгляд на меня. – Твое – Кристиан Озера. Конец дискуссии.

– Это глупо! – повторила я. – Зачем мне впустую тратить время с Кристианом? Я буду с Лиссой по окончании школы. Если вы хотите, чтобы я хорошо выполняла эту свою работу, то должны сейчас прикрепить меня к ней, для большей практики.

– Ты и так будешь хорошо выполнять работу по ее защите, – сказал Дмитрий. – Потому что достаточно ее знаешь и потому что существует ваша связь. Но кто знает? Может, когда-нибудь, в каких-нибудь обстоятельствах тебе придется защищать другого мороя. Ты должна научиться охранять того, кого совсем не знаешь.

– Я знаю Кристиана, – проворчала я, – в том-то и проблема. И ненавижу его.

Ладно, это было очень большое преувеличение. Кристиан раздражал меня, правда, но не настолько, чтобы ненавидеть

его. Как я уже говорила, наши совместные действия против стригоев многое изменили. Снова возникло чувство, будто недостаток сна и общее раздражение заставляют меня все преувеличивать.

– Так даже лучше, – сказала Альберта. – Не всякий, кого тебе предстоит защищать, будет твоим другом. Не всякий, кого тебе предстоит защищать, будет тебе симпатичен. Нужно учиться справляться с этим.

– Мне нужно учиться сражаться со стригоями, – возразила я. – Этому нас учили на уроках. – Я вперила в них пронзительный взгляд, собираясь предъявить свою козырную карту. – И еще я делала это лично.

– Эта работа требует не только изучения техники борьбы, мисс Хэзевей. Существует еще и личностный аспект – умение подойти к человеку, если угодно, – который на уроках практически не затрагивается. Мы учим вас, как бороться со стригоями. Вы самостоятельно должны научиться общению с мороями. А ты в особенности нуждаешься в том, чтобы научиться иметь дело с мороем, который не был твоим лучшим другом на протяжении многих лет.

– И еще тебе нужно научиться работать с тем, в отношении кого ты не можешь мгновенно почувствовать угрожающую ему опасность, – добавил Дмитрий.

– Правильно, – сказала Альберта. – Это в некотором роде помеха. Если ты хочешь стать хорошим стражем – если ты хочешь стать превосходным стражем, – тогда делай, что мы

тебе говорим.

Я открыла рот, собираясь возразить, что, имея дело с близким человеком, буду учиться быстрее и стану лучшим стражем для любого мороя, но Дмитрий не дал мне и слова сказать.

– Работа с другим стражем поможет и Лиссе уцелеть, – сказал он.

Я онемела. Это был единственный довод, который мог на меня подействовать, и, черт побери, Дмитрий понимал это.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я.

– Для Лиссы тоже существует в некотором роде помеха – ты. Если она не получит шанса узнать, как будет протекать ее защита в отсутствие психической связи, в случае нападения риск для нее заметно возрастет. Быть стражем кого-то – это на самом деле обоюдные отношения. Твое сегодняшнее назначение сделано в интересах как твоих, так и ее.

Я молчала, обдумывая его слова. Они определенно имели смысл.

– И учти, – добавила Альберта, – это единственное назначение, на которое ты можешь рассчитывать. Отказ от него означает неучастие в полевых испытаниях.

Неучастие? Она сошла с ума? Это не то что пропустить один урок. Если я не пройду полевые испытания, то не закончу Академию. Я хотела взорваться, сказав, что это несправедливо, но Дмитрий остановил меня без единого слова. Спокойный, настойчивый взгляд его темных глаз заставлял

меня сдержаться, подталкивал смириться с ситуацией и сделать это вежливо – ну, настолько вежливо, насколько я в состоянии.

Я неохотно подобрала с пола пакет.

– Прекрасно, – едко сказала я. – Я сделаю это. Но прошу отметить – против своей воли.

– Это мы уже поняли, мисс Хэзевей, – сухо ответила Альберта.

– Как угодно. Но я по-прежнему думаю, что это плохая идея, и со временем вы, конечно, придете к тому же выводу.

Не дав им ни слова сказать в ответ, я развернулась и стрелой вылетела из гимнастического зала. По дороге до меня дошло, каким капризным, надоедливым ребенком я выглядела. Но если бы они совсем недавно переживали вместе со своей лучшей подругой ее сексуальную жизнь, видели призрака и практически не спали, то тоже были бы раздражены. Плюс мне предстояло провести шесть недель в обществе Кристиана Озера – саркастичного, трудного, способного высмеять что угодно.

На самом деле он во многом похож на меня.

Это должны быть долгие шесть недель.

Три

– Откуда такая мрачность, маленькая дампирка?

Я пересекала двор в направлении столовой, когда почувствовала запах гвоздичных сигарет. И вздохнула.

– Адриан, ты последний человек, кого мне сейчас хочется видеть.

Адриан Ивашков пристроился рядом со мной, выдохнув в воздух облако дыма, конечно же поплывшее в мою сторону. Я замахала рукой и сделала вид, что меня душит кашель. Адриан – морой королевских кровей, которым мы «обзавелись» во время недавней поездки на лыжную базу. Он на несколько лет старше меня и поехал с нами в Академию, чтобы вместе с Лиссой изучать дух. Кроме него, до сих пор мы не были знакомы ни с одним другим обладателем духа. Самоуверенный, испорченный, он не отказывал себе ни в каких удовольствиях, будь то сигареты, алкоголь или женщины. Еще он втрескался в меня – или, по крайней мере, жаждал затащить меня в постель.

– Похоже на то, – сказал он. – С тех пор как мы сюда приехали, я почти тебя не видел. Я сказал бы, что ты избегаешь меня – если бы не знал, что это не так.

– Я действительно избегаю тебя.

Он вздохнул и провел рукой по темным волосам, которые всегда содержал в состоянии художественного беспорядка.

– Послушай, Роза, тебе нет нужды разыгрывать из себя недотрогу. Я уже у твоих ног.

Адриан прекрасно понимал, что никакую недотрогу я не разыгрываю, но ему всегда нравилось дразнить меня.

– Сегодня я действительно не в настроении сносить твоё очарование.

– Что произошло в таком случае? Ты пинаешь все камни на своем пути и выглядишь так, словно готова врезать первому, кто подвернется под руку.

– Почему ты околачиваешься рядом в таком случае? Не боишься, что достанется тебе?

– Ой, ты никогда не причинишь мне вреда. Для этого я слишком симпатичный.

– Не настолько симпатичный, чтобы мириться с этим мерзким канцерогенным дымом, который ты выдуваешь мне в лицо. Как тебе это удастся? В кампусе запрещено курить. Когда Эбби Бадика поймали на этом, ее две недели оставляли после уроков.

– Я выше ваших правил, Роза. Я не студент, не служащий – просто свободный дух, бродящий по вашей прекрасной школе.

– Шел бы ты сейчас бродить куда-нибудь в другое место.

– Если хочешь избавиться от меня, расскажи, что происходит.

Вот неотвязный! Ладно, все равно он скоро и сам узнает. Все узнают.

– На время полевых испытаний меня распределили к Кристиану Озера.

Последовала пауза, а потом Адриан расхохотался.

– Здорово! Теперь понятно. В свете этого ты выглядишь просто на удивление спокойной.

– Меня должны были назначить к Лиссе. До сих пор не верится, что они так со мной обошлись.

– Почему они сделали это? Есть вероятность, что по окончании школы ты будешь не с ней?

– Нет. Они просто считают, что это поспособствует моему обучению. Потом мы с Дмитрием по-прежнему станем ее настоящими стражами.

Адриан искоса взглянул на меня.

– Уверен, это будет очень нелегко для тебя.

Это была одна из самых странных вещей на свете – то, что Лисса никогда даже близко не подозревала о моих чувствах к Дмитрию, а вот Адриан догадался о них.

– Как я уже сказала, сегодня твои комментарии не приветствуются.

Он, по-видимому, считал иначе. Я подозревала, что он уже пьян, а ведь время ланча только приближалось.

– В чем проблема? Кристиан все время будет с Лиссой.

В словах Адриана был смысл, хотя я не собиралась это признавать.

Потом, в этой своей легкомысленной манере ни на чем не задерживаться надолго, он сменил тему разговора, когда мы

приблизились к зданию.

– Я уже говорил, какая у тебя аура? – внезапно спросил он.

С очень странной ноткой в голосе – неуверенности и любопытства. Очень нехарактерно для него. Обычно все его слова звучали насмешливо.

– Да, как-то говорил. Она темная. Почему?

Аура – это свет, окружающий каждого человека. Цвета и яркость ауры якобы связаны с личными качествами и энергией человека. Только владеющие духом могут видеть ауру. Адриан делал это, сколько себя помнил, а вот Лисса только училась.

– Трудно объяснить. Может, это ничего не значит. – Он остановился у двери и глубоко затянулся. На этот раз выдул дым не на меня, однако ветер отнес его обратно. – Аура – вещь странная. Она может угасать и усиливаться, менять цвета и яркость. Некоторые очень яркие, другие бледные. Иногда она пылает таким чистым цветом... – он откинул голову назад, глядя в небо; я узнала признаки странного состояния расстроенного сознания, которое иногда на него находило, – что можно мгновенно схватить ее суть. Все равно что в душу человеку заглянуть.

Я улыбнулась.

– Но меня ты пока не разгадал, даже не понял, что вообще означают эти разные цвета?

Он пожал плечами.

– Я занимаюсь этим. Говоришь с людьми, начинаешь чув-

ствовать, что они собой представляют, а потом встречаешь похожих людей с похожей аурой... Вот так цвета обретают смысл.

– Как сейчас выглядит моя аура?

Он посмотрел на меня.

– Эх, жаль, сегодня я не могу ее видеть.

– Я так и знала. Пить надо меньше.

Некоторые вещества – вроде алкоголя и определенного рода лекарств – приглушают эффект духа.

– Я выпил ровно столько, сколько нужно, чтобы не мерзнуть. Правда, я могу предположить, на что твоя аура похожа. Обычно она как у других – эти водовороты цвета, – только по краям темная. Как будто по пятам за тобой всегда следует какая-то тень.

Что-то в его голосе вызвало у меня дрожь в теле. Я много раз слышала, как они с Лиссой обсуждают разные ауры, но никогда не считала, что по этому поводу стоит всерьез беспокоиться. Я воспринимала ауру как сценический трюк – круто, конечно, но особого смысла нет.

– Весело, ничего не скажешь, – заметила я. – Ты когда-нибудь задумываешься, какое воздействие могут оказать твои слова?

Странность его поведения ушла, сменившись обычной насмешливостью.

– Не волнуйся, маленькая дампирка. Может, тебя и окружает тьма, но для меня ты всегда сияешь, словно солнечный

свет.

Я закатали глаза. Он бросил сигарету на дорожку и раздавил ее ботинком.

— Надо идти. Увидимся.

Он отвесил мне галантный поклон и зашагал к гостевому дому.

— Ты опять намусорил! — закричала я.

— Я выше правил, Роза, — ответил он. — Выше всяких правил.

Покачав головой, я подняла погасшую сигарету и бросила ее в мусорную корзину рядом со входом в здание. Войдя, я стряхнула с ботинок грязь. Тепло внутри воспринималось как приятная перемена. Ланч в кафетерии уже подходил к концу. Там дампирь сидели бок о бок с мороями — и это подчеркивало контраст между ними. Дампиры, люди лишь наполовину, были крупнее, более крепкого сложения. Девушки-новички имели более женственные фигуры, чем слишком стройные и худощавые моройки; парни-новички выглядели более мускулистыми по сравнению с морейскими юношами. Морой бледные и изящные, точно фарфоровые статуэтки, а у нас кожа загорелая, поскольку мы много бываем на солнце.

Лисса сидела за столиком одна и в своем белом свитере походила на ангела. Светлые волосы водопадом стекали на плечи. Когда она заметила меня, теплое чувство радости хлынуло через нашу связь.

Она улыбнулась.

– Ох, видела бы ты свое лицо! Это правда, что тебя представили к Кристиану?

Я сердито воззрилась на нее.

– Ну, ты, наверно, не умерла бы, если бы выглядела не такой несчастной? – Вылизывая остатки земляничного йогурта, она бросила на меня осуждающий взгляд, забавляясь. – В смысле, он же мой бойфренд, что ни говори. Я все время провожу с ним. Не так уж плохо.

– У тебя терпение святой, – проворчала я и рухнула в кресло. – Кроме того, ты не проводишь с ним по двадцать четыре часа все семь дней недели.

– И ты не будешь. Только шесть.

– Никакой разницы. С тем же успехом это могло быть десять.

Она нахмурилась.

– Не улавливаю смысла.

Я отмахнулась от собственного идиотского замечания и обвела взглядом кафетерий. Помещение гудело новостями о предстоящем полевом испытании, которое должно было начаться сразу по окончании ланча. Лучшая подруга Камиллы получила назначение к лучшему другу Райана, и они сидели вместе, все вчетвером, в самом отличном настроении – как будто их ожидает шестинедельное свидание пара на пару. Ну хоть кто-то может радоваться. Я вздохнула. Кристиан, мой будущий подопечный, был у «кормильцев» – людей, добровольно жертвующих морям свою кровь.

Благодаря нашей связи я почувствовала, что Лисса хочет что-то мне рассказать. Но сдерживается, беспокоясь по поводу моего скверного настроения и желая поддержать меня. Я улыбнулась.

– Хватит тревожиться обо мне. Что случилось?

Она улыбнулась в ответ, не обнажая клыков.

– Я получила разрешение.

– Разрешение на?.. – Ответ дошел до меня из ее сознания быстрее, чем она успела произнести его. – Что? – воскликнула я. – Ты прекращаешь пить таблетки?

Дух – изумительная сила, чьи потрясающие возможности мы только начинали постигать. Однако он имеет очень скверный побочный эффект: склонность к депрессии и даже безумию. Отчасти Адриан так много выпивал (помимо страсти к развлечениям) с целью сделать себя невосприимчивым к этим побочным эффектам. Лисса добивалась того же несравненно более здоровым способом – она принимала антидепрессанты; однако они полностью отрезали ее от магии. Ее очень угнетала невозможность работать с духом, но это был приемлемый компромисс, позволяющий не сойти с ума. Ну, мне так казалось. Она, по-видимому, считала иначе, если решилась на этот безумный эксперимент. Я знала, как она жаждет снова заняться магией, но на самом деле не думала, что она решится – и что ей это позволят.

– Я должна каждый день показываться госпоже Кармак и на регулярной основе беседовать с консультантом. – Лисса

состроила гримасу по этому последнему поводу, но в целом сохраняла оптимистический настрой. – Жду не дождусь посмотреть, что смогу делать с помощью Адриана.

– Адриан оказывает плохое влияние.

– Не он заставил меня сделать это, Роза. Я сама так решила. – Видя, что я не отвечаю, она легко коснулась моей руки. – Эй, послушай! Не волнуйся. Я чувствую себя гораздо лучше, и множество людей прикроют мою спину.

– Все, за исключением меня, – с тоской сказала я.

Появился Кристиан и направился к нам. Часы показывали пять минут до конца ланча.

– О господи! Решительный миг почти наступил.

Кристиан перевернул обратной стороной свободное кресло около нашего столика и сел, положив подбородок на спинку. Откинул с голубых глаз черные волосы и одарил меня самодовольной улыбкой. Я почувствовала, как Лисса обрадовалась его появлению.

– Жду не дождусь, когда это шоу начнется, – заявил он. – Нам с тобой предстоит много забавного, Роза. Выбирать занавески, укладывать друг другу волосы, рассказывать истории о призраках...

Упоминание «историй о призраках» ударило меня, хотя выбор занавесок и расчесывание волос Кристиану тоже не слишком радовало.

Я сердито покачала головой и встала.

– Оставляю вас наедине еще на несколько последних ми-

нут.

Они засмеялись.

Я подошла к раздаточному столу, надеясь, что осталось несколько пончиков, но увидела только круассаны, пирожки с заварным кремом и печеные груши. Сегодня в кафетерии, наверно, день особо утонченной пищи. Неужели я хочу так уж много – всего лишь хорошо прожаренный пончик? Перед мной стоял Эдди. Едва он заметил меня, его лицо приобрело извиняющееся выражение.

– Роза, мне правда очень жаль...

Я вскинула руку, и он смолк.

– Не волнуйся. Это не твоя вина. Просто пообещай, что будешь хорошо защищать ее.

Глупо, конечно, поскольку никакая реальная опасность ей не угрожала, но мне никогда не удавалось перестать беспокоиться о ней – в особенности в свете того, что она теперь собиралась отказаться от таблеток.

Эдди сохранял серьезность и, по-видимому, вовсе не счел мою просьбу глупой. Он принадлежал к числу немногих, кто знал о способностях Лиссы – и об их оборотной стороне, почему, скорее всего, его и назначили к ней стражем.

– Я не допущу, чтобы с ней что-нибудь произошло. Ни за что.

Я не смогла сдержать улыбку, несмотря на свое мрачное настроение. Опыт жуткой встречи со стригоями заставлял его относиться к предстоящему испытанию серьезнее, чем

любого другого новичка. Не считая меня, это был, похоже, лучший выбор – приставить его к Лиссе в качестве стража.

– Роза, ты что, правда врезала стражу Петровой?

Я повернулась и оказалась лицом к лицу с двумя мороями, Джесси Зеклосом и Ральфом Саркози. Они стояли рядышком позади Эдди и меня, а выглядели более самодовольно, чем обычно. Джесси хорошо смотрелся и быстро соображал. Ральф был не такой привлекательный и не такой сообразительный. Возможно, их двоих я ненавидела больше всех в школе, в основном из-за грязных слухов, которые они распространяли обо мне, утверждая, будто я одаривала их благосклонностью. Мейсон силой заставил их рассказать в школе правду, и не думаю, что они когда-нибудь это забудут.

– Ударила Альберту? Ну, это вряд ли.

Я хотела развернуться и уйти, но Ральф не унимался.

– Мы слышали, что ты билась в припадке в гимнастическом зале, когда выяснилось, к кому тебя приставили.

– Билась в припадке? Что за выражения? Тебе что, шестьдесят? Все, что я сделала... – я замолчала, тщательно подбирая слова, – это высказала свое мнение.

– Ну, полагаю, – заявил Джесси, – ты – лучший выбор для присмотра за этим типом. Ты у нас тут самая крутая.

Зависть и злость в его голосе заставили эти слова звучать как комплимент. Однако я не думала, что он это имел в виду. Не успел он еще что-нибудь вякнуть, как я оказалась перед ним, практически нос к носу. И вот оно, истинное проявление

ние дисциплинированности (по моим представлениям) — я не схватила его за горло. От удивления глаза у него стали как блюдца.

— Кристиан не имеет к стригоям никакого отношения, — сказала я очень тихо.

— Его родители...

— Его родители — это его родители. А он Кристиан. Не путай их.

Джесси уже сталкивался с проявлениями моей злости и, несомненно, помнил, каково это. Страх боролся в нем с желанием замарать в моих глазах Кристиана. Удивительно, но последнее победило.

— Раньше ты вела себя так, словно общаться с ним — это конец света, а теперь защищаешь его? Ты знаешь, какой он... все время нарушает правила. И ты всерьез не веришь, что он может стать стригоем, как его родители?

— Никаких шансов, — ответила я. — Абсолютно никаких. Скорее всего, Кристиан жаждет сразиться со стригоями больше, чем любой другой здешний морой. — (Джесси стрельнул в Ральфа любопытным взглядом и снова посмотрел на меня.) — Это он помог мне в Спокане справиться с ними. Он никогда, никогда не станет стригоем. — Я напрягала мозги, вспоминая, кого на время полевых испытаний назначили к Джесси. — И если я услышу, что ты распространяешь эту чушь, Дин не защитит тебя от меня.

— И от меня, — добавил Эдди, который стоял теперь бок

о бок со мной.

Джесси сглотнул и сделал шаг назад.

– Ты такая лгунья. Знаешь ведь, что не посмеешь даже дотронуться до меня. Тебя отстранят от испытаний, и ты не закончишь школу.

Он был прав, конечно, но я сумела улыбнуться.

– Может, оно того стоит. Поживем – увидим, ха!

Джесси с Ральфом решили, что обойдутся без ланча, и гордо удалились. До моих ушей долетело что-то подозрительно похожее на «сумасшедшую суку».

– Ничтожества, – пробормотала я. И тут же просияла. – О, пончики, здорово!

Я взяла с шоколадной глазурью, после чего мы с Эдди заторопились на поиски своих мороев. Он улыбнулся мне.

– Если бы я не был лучше знаком с ситуацией, то сказал бы, что ты только что защитила честь Кристиана. Разве он не шило в заднице?

– Ага. – Я облизнула пальцы. – Он такой. Однако на ближайшие шесть недель он мое шило в заднице.

Четыре

Так оно все и началось. В первой половине школьного дня морои и дампиры занимались порознь, а встречались после ланча. У Кристиана в основном были те же уроки во второй половине дня, что и у меня в последнем семестре, поэтому я просто дублировала собственное расписание. Разница состояла в том, что на уроках я больше не была ученицей. Не сидела за партой, не выполняла никаких заданий. На всем протяжении уроков я вместе с другими новичками стражами, охраняющими своих мороев, стояла у задней стены. Не слишком приятно. За пределами школы все было как обычно. Морои шли куда хотели, стражи, как тени, следовали за ними по пятам.

Возникало сильное искушение поговорить с товарищами-новичками, в особенности в те моменты, когда морои были заняты своими делами или общались между собой. Однако никто из нас не поддался ему. Зажатость и адреналин первого дня сделали свое дело – все мы вели себя как положено.

После биологии мы с Эдди использовали прием телохранителей, называемый парной охраной. Я выступала в роли «ближнего» стража и ходила по пятам за Лиссой и Кристианом на случай, если им потребуется безотлагательная защита. Эдди в качестве «дальнего» стража расхаживал на некотором расстоянии, охватывая большую область обзора на

предмет обнаружения любой потенциальной угрозы.

Мы придерживались этой методики весь остаток учебного дня, вплоть до последнего урока. Лисса быстро поцеловала Кристиана в щеку, и я поняла, что они собираются расстаться.

– Разве у вас не одинаковое расписание? – спросила я в смятении, отступив к стене коридора, чтобы не мешать проходить учащимся.

Эдди уже понял, что они разделяются, оставил свою позицию «дальнего» стража и подошел к нам. Я не знала, как соотносится расписание Лиссы и Кристиана в этом новом семестре.

Лисса заметила мой разочарованный вид и сочувственно улыбнулась.

– Извини. После школы мы планируем заниматься вместе, но сейчас я должна идти на урок творческого письма.

– А у меня, – горделиво объявил Кристиан, – кулинарное мастерство.

– Кулинарное мастерство? – воскликнула я. – Ты выбрал кулинарию? По-моему, это самый идиотский курс.

– Вовсе нет, – возразил он. – Но даже если и так... ну... Эй, это мой последний семестр, верно?

Я застонала.

– Не заводись, Роза. – Лисса рассмеялась. – Это всего лишь еще один урок. Совсем недолго...

Она оборвала себя – в дальнем конце коридора возникла

какая-то суматоха. Мы и все, кто стоял рядом, остановились, вглядываясь. Один из моих инструкторов-стражей, Эмиль, возник как бы из пустоты – изображая стригоя – и потянулся к моройской девушке. Развернул, прижал к своей груди и обнажил ее шею, как бы собираясь укусить. Я не могла разглядеть, кто она такая, видела лишь спутанные каштановые волосы, но стражем при ней был Шейн Рейес. Это нападение застало его врасплох – оно было первым в тот день, – но, замешкавшись совсем немного, он ногой ударил Эмиля в бок и вырвал у него девушку. Оба приняли боевую стойку, все остальные взволнованно наблюдали. Послышались крики и свист, подбадривающие Шейна.

Одним из тех, кто свистел, был Райан Эйлсворт. Он так увлекся схваткой – в которой Шейн, используя свой учебный кол, явно был близок к победе, – что не заметил, как два других взрослых стража подкрались к нему и Камилле. Мы с Эдди поняли это одновременно и замерли, инстинктивно готовясь броситься вперед.

– Оставайся с нашими, – сказал мне Эдди и зашагал к Райану и Камилле, которые только что обнаружили, что они под ударом.

Райан среагировал не так быстро, как Шейн; к тому же он столкнулся сразу с двумя нападающими. Один из стражей отвлекал Райана, в то время как второй – Дмитрий, теперь я разглядела его – схватил Камиллу. Она закричала, и чувствовалось, что страх непритворный. По-видимому, оказывать-

ся в руках Дмитрия для нее не сладкая сказка, как для меня.

Эдди зашел сзади и с силой ударил Дмитрия по голове. Дмитрий практически не пострадал, но я была потрясена. Не помню, чтобы за все наши тренировки мне хоть раз удалось нанести ему удар. Атака Эдди заставила Дмитрия отпустить Камиллу перед лицом новой угрозы. Он молниеносно развернулся, грациозно, как танцор, и бросился на Эдди.

Тем временем Шейн «заколол» своего стригоя и кинулся на помощь Эдди, напав на Дмитрия с другой стороны. Я смотрела, взволнованно сжав кулаки, увлеченная схваткой в целом и созерцанием Дмитрия в частности. В очередной раз это поразило меня – как можно быть столь смертоносным и одновременно столь прекрасным. Хотелось бы и мне принять участие в этой стычке, но я понимала, что должна следить за пространством вокруг нас на случай, если какой-нибудь «стригой» нападет здесь.

Однако никто на нас не напал. Шейн с Эдди успешно «прикончили» Дмитрия. Отчасти это меня даже опечалило – так хотелось, чтобы Дмитрий был хорош всегда и во всем. Райан, кстати, тоже попытался помочь, но потерпел неудачу. Дмитрий формально «убил» его, и это некоторым искаженным способом успокоило меня – значит, Дмитрий по-прежнему крутой «стригой». Он и Эмиль похвалили Шейна за быструю реакцию, а Эдди за понимание того, что мы должны действовать как группа, а не считать, что в этом испытании каждый предоставлен самому себе. Мне одобрительно кив-

нули за то, что я прикрывала спину Эдди, а Райна выбрали за недостаток внимания к своему морю.

Мы с Эдди улыбнулись друг другу, радуясь, что успешно прошли первый тест. Я была бы не против принять в стычке более активное участие, но это неплохое начало полевых испытаний. Мы с Эдди ударили по рукам, и Дмитрий при виде этого, уходя, покачал головой.

По окончании драмы наша четверка разделилась. Лисса через плечо одарила меня последней улыбкой и сказала мысленно, используя нашу связь: «Желаю позабавиться на уроке кулинарии!» Я закатила глаза, но она и Эдди уже завернули за угол.

«Кулинарное мастерство» – это звучало впечатляюще, но на самом деле это просто был заумный термин для урока стряпни. Хотя я и назвала это занятие безмозглым, на самом деле я испытывала к нему определенное уважение. В конце концов, я сама едва могла вскипятить воду. И еще, это заметно отличалось от факультативных занятий вроде творческого письма или искусства вести дебаты, и я не сомневалась, что Кристиан выбрал кулинарию для расслабона, а не потому, что собирался когда-нибудь стать шеф-поваром. По крайней мере, я получу возможность испытать некоторое удовлетворение, наблюдая, как он замешивает тесто или делает еще что-то в этом роде. Может, он даже наденет фартук.

На уроке присутствовали три других новичка, охраняющие своих морей. Поскольку помещение для урока кули-

нарного мастерства отвели просторное, с большим открытым пространством и множеством окон, мы вчетвером разработали план, как объединить свои усилия, чтобы обезопасить всю комнату. В прошлые годы, наблюдая за полевыми испытаниями других новичков, я обращала внимание только на схватки и никогда не замечала ни работы в команде, ни разработки стратегии, которые, конечно, имели место. Теоретически наша четверка находилась здесь только для того, чтобы защищать своих мороев, но мы сумели организовать себя таким образом, что защищали весь класс.

Я заняла пост около противопожарной двери, которая открывалась прямо наружу. По случайному совпадению Кристиан трудился рядом со мной. Обычно ученики готовят парами, но здесь их оказалось нечетное число. Кристиан добровольно вызвался работать самостоятельно. Никто, похоже, не возражал. Многие по-прежнему относились к нему и его семье с тем же предубеждением, что и Джесси. К моему разочарованию, Кристиан не стал ничего печь.

– Что это? – спросила я, глядя, как он достает из холодильника миску сырого мясного фарша.

– Мясо.

Он выложил его на доску.

– Я вижу, идиот. Какое?

– Пропущенная через мясорубку говядина. – Он достал вторую миску, а потом третью. – А это телятина. А это свинина.

– Ты что, собираешься «Ти. рекс»³ кормить?

– Это для мясного рулета.

Я вытаращила глаза.

– С тремя видами мяса?

– Зачем есть то, что называется мясной рулет, если в нем на самом деле нет мяса?

Я покачала головой.

– Подумать только, и это всего лишь первый день с тобой.

Он смотрел вниз, сосредоточившись на смешивании всех трех видов мяса.

– Ты такой шум подняла из-за этого. Ты правда так сильно ненавидишь меня? Я слышал, как ты во всю силу легких вопила в гимнастическом зале.

– Нет. И... Я вообще не ненавижу тебя.

– Ты просто выплеснула свою злость на меня, потому что тебя не приставили к Лиссе.

Я не отвечала. Он был недалеко от истины.

– Знаешь, – продолжал он, – может, это и не такая уж плохая идея – чтобы ты попрактиковалась с кем-то другим.

– Знаю. Так и Дмитрий сказал.

Кристиан положил мясо в миску и начал добавлять другие ингредиенты.

– Тогда в чем вопрос? Беликов знает, что делает. Я доверяю всему, что он говорит. Жаль, что Академия потеряет его после того, как мы ее закончим, но я рад, что он будет при

³ «Ти. рекс» – английская рок-группа.

Лиссе.

– Я тоже.

Он остановился, поднял взгляд и встретился со мной глазами. Мы оба улыбнулись, удивляясь, какой это для нас шок – в чем-то согласиться друг с другом. Спустя мгновение он вернулся к своей работе.

– Ты тоже молодец, – сказал он доброжелательно. – То, как ты справилась тогда...

Он не закончил мысль, но я понимала, о чем он. Спокан. Кристиана не было рядом, когда я убивала стригоев, но он сыграл очень важную роль в нашем спасении. Мы действовали сообща, используя его магию огня, чтобы избавиться от охранников. Мы хорошо сработались, отбросив всякую враждебность.

– Думаю, у нас с тобой есть занятия поважнее, чем без конца воевать друг с другом, – задумчиво сказала я.

«Например, беспокоиться о судебном разбирательстве Виктора Дашкова», – подумала я.

Мелькнула мысль рассказать Кристиану о том, что мне стало известно: он был рядом той ночью, когда прошлой осенью для Виктора все закончилось. И все же я решила пока помолчать. Лисса должна узнать первой.

– Да, – сказал Кристиан, не догадываясь, о чем я думаю. – Крепись, но мы не такие уж разные. В смысле, я умнее и гораздо остроумнее, но по большому счету мы оба хотим, чтобы с ней ничего плохого не случилось. – Он заколебался. –

Знаешь... Я не собираюсь отнимать ее у тебя. Не могу. Никто не сможет, пока существует эта ваша связь.

Я удивилась, что он поднял этот вопрос. По правде говоря, я считала, что существуют две причины, по которым мы все время спорим. Одна состояла в том, что тяга спорить у нас обоих в крови. Вторая причина – и более существенная, – что мы ревновали друг друга к Лиссе. Но, как он и сказал, по сути мотивы у нас одинаковые. Мы заботимся о ней.

– Не думай, что наша связь помешает вам быть вместе, – сказала я, понимая, что это беспокоит его. – Ты нравишься ей... – Я не смогла заставить себя произнести слово «любит». – В ее сердце тебе отведено совершенно особое место.

Кристиан поставил свою миску в печь.

– Это не просто слова. Такое чувство, что мы вот-вот начнем обниматься и придумывать друг другу миленькие такие уменьшительные имена.

Он пытался сделать вид, будто ему претит моя сентиментальность, но я видела – ему было приятно услышать, что он нравится Лиссе.

– У меня уже есть для тебя уменьшительное имя, но, боюсь, я схлопочу неприятности, если произнесу его в классе.

– Ах! – радостно воскликнул он. – Вот это Роза, которую я знаю.

Пока его мясной рулет запекался, он отошел поговорить с приятелем, и это было к лучшему. Позиция у двери была

достаточно уязвима, и мне не следовало болтать, даже если все остальные в классе делали это. На другом конце комнаты трудились вместе Джесси и Ральф. Как и Кристиан, они предпочли занятия, где можно не напрягаться.

Никто на нас не нападал, но страж по имени Дастин пришел, чтобы зафиксировать, какие позиции занимаем мы, новички. Он как раз стоял рядом со мной, когда мимо прошел Джесси. Сначала я подумала, что это случайность, пока Джесси не заговорил.

– Беру назад то, что сказал раньше, Роза. Я все понял. Ты расстроилась не из-за Лиссы и Кристиана. Ты расстроилась, потому что по правилам должна быть со студентом, а Адриан Ивашков из этого возраста уже вышел. Судя по тому, что я слышал, вы с ним изрядно попрактиковались, изучая тела друг друга.

Пошутить на эту тему можно было гораздо остроумнее, но я привыкла не ожидать от Джесси многого. Я понимала, фактически ему плевать на меня и Адриана. Я даже подозревала, что он не верит, будто между нами что-то было. Но Джесси все еще дулся, что я угрожала ему раньше, а здесь возникла возможность отомстить. Дастин слышал идиотское замечание Джесси, но само по себе оно его не могло заинтересовать. Но вот что его точно заинтересовало бы, это если бы я впечатала Джесси лицом в стену.

Это не означало, однако, что я обязана молчать. Стражи все время разговаривают с мороями, это просто прояв-

ление вежливости. При этом они продолжают отслеживать свое окружение. Поэтому я улыбнулась Джесси и просто сказала:

– Твое остроумие всегда такое восхитительное, мистер Зеклос. Я прямо с трудом сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться.

После чего я отвернулась и пробежала взглядом по комнате.

Когда до Джесси дошло, что я не собираюсь больше ничего предпринимать, он рассмеялся и отошел, по-видимому решив, что одержал грандиозную победу. Вскоре отбыл и Дастин.

– Козел, – пробормотал Кристиан, возвращаясь на свое место.

До конца урока оставалось пять минут.

Я нашла взглядом Джесси.

– Знаешь что, Кристиан? Я просто счастлива охранять тебя.

– Если ты сравниваешь меня с Зеклосом, я не воспринимаю это как комплимент. Ну-ка, попробуй вот это. Уверен, тогда точно обрадуешься, что ты со мной.

Его шедевр был готов, и Кристиан дал мне кусочек. Я не заметила этого, но перед тем, как ставить в печь, он завернул свое изделие в бекон.

– Господи! – воскликнула я. – Самая что ни на есть вампирская еда.

– Только если бы он был сырой. Ну, что скажешь?

– Вкусно, – признала я против воли. Кто знал, что бекон так повлияет на вкус? – Правда, вкусно. Думаю, тебя ждет многообещающее будущее в качестве домохозяйки, пока Лисса будет зарабатывать миллионы долларов.

– Забавно, это в точности моя мечта.

Мы покинули класс в гораздо лучшем настроении. Наши отношения складывались все более дружественно, и я решила, что без особого напряжения выдержу шесть недель защиты Кристиана.

Они с Лиссой собирались встретиться в библиотеке, чтобы позаниматься вместе – или делать вид, что занимаются, – но сначала ему нужно было зайти в свой спальный корпус. Вслед за ним я вышла во внутренний двор, на зимний воздух, который стал заметно холоднее, поскольку солнце уже семь часов как зашло. Снег на дорожках, на солнце превратившийся в слякоть, сейчас замерз, и идти было трудно. По дороге к нам присоединился Брендон Лазар, морой, проживающий в одном коридоре с Кристианом. С трудом сдерживая себя, он рассказал нам об атаке на уроке математики, свидетелем которой стал. Мы с интересом слушали его и расхохотались, представив себе, как Альберта проникает в класс через окно.

– Эй, она, может, и старая, но способна одолеть практически любого из нас, – сказала я парням, бросив на Брендона вопросительный взгляд.

Все лицо у него было в синяках и ссадинах, а около уха какие-то странные рубцы.

– Что с тобой? Ты тоже участвовал в сражении?

Его улыбка погасла, он отвернулся.

– Нет, просто упал.

– Брось заливать, – сказала я.

Может, морои и не учатся сражаться – как, скажем, дампир, – но затевают драки друг с другом так же часто, как любые другие парни. Я задумалась: интересно, с кем у него мог быть конфликт? По большей части Брендон вел себя как приятный, спокойный парень.

– Это неубедительное и самое тривиальное оправдание в мире, – закончила я.

– Это правда, – пробормотал он, по-прежнему избегая моего взгляда.

– Если кто-то достает тебя, могу дать несколько советов.

Он повернулся и встретился со мной взглядом.

– Просто оставь эту тему.

Он говорил без враждебности, но в голосе звучали жесткие нотки, как будто он искренне верил, что эти слова заставят меня повиноваться ему.

Я засмеялась.

– Что это ты делаешь? Хочешь применить ко мне принуждение...

Внезапно слева я заметила какое-то движение. Еле заметная тень почти сливалась с темными силуэтами заснеженных

сосен, но все же двигалась, и это привлекло мое внимание. Из темноты проступило лицо Стэна, и в следующий миг он набросился на нас.

Итак, мой первый тест.

Выплеск адреналина был настолько силен, как если бы на нас напал настоящий стригой. Я среагировала мгновенно, схватив сразу и Брендона, и Кристиана. Это всегда первое, что нужно сделать, – защитить их собой. Рывком остановив их, я развернулась к нападающему, потянувшись за колом, чтобы защитить мороев...

Тут-то он и появился.

Мейсон.

Он стоял в нескольких футах передо мной, чуть правее Стэна, и выглядел в точности как ночью. Полупрозрачный. Искрящийся. Печальный.

Волосы у меня на затылке встали дыбом. Я замерла, не в состоянии ни двинуться, ни даже вытащить кол. Я забыла, что делала, полностью утратила представление о том, что происходит вокруг. Мир вокруг замедлился и выцвел. Остался только Мейсон – призрачный, искрящийся Мейсон, который светился во тьме и, казалось, очень хотел сказать мне что-то. Меня охватило то же чувство беспомощности, что и в Спокане. Тогда я не сумела помочь ему – и сейчас тоже не могла. Внутри возникло жуткое ощущение холода и пустоты. Я могла лишь стоять там, стараясь понять, что он пытается сказать.

Он поднял полупрозрачную руку и указал куда-то на другой конец кампуса, но я не понимала, что это означает. Там находилось много чего, и было неясно, на что конкретно он указывает. Я покачала головой, отчаянно желая понять... но безуспешно. Казалось, его лицо стало еще печальнее.

Внезапно что-то ударило меня в плечо, толкнув вперед. Мир снова пришел в движение, вырвав меня из того странного состояния, в котором я находилась. Я едва успела выбросить перед собой руки, чтобы не удариться о землю. Подняла взгляд и увидела стоящего надо мной Стэна.

– Хэзевей! – рявкнул он. – Что с тобой?

Я заморгала, стряхивая остатки странного видения. Во всем теле ощущалась вялость, голова кружилась. Я посмотрела в разъяренное лицо Стэна, а потом перевела взгляд туда, где стоял Мейсон. Он исчез. Только тут до меня дошло, что случилось. Стэн напал на нас, и как раз в этот момент я полностью выпала из действительности. Сейчас он стоял, обхватив одной рукой шею Кристиана, а другой Брендона. Вреда он им, конечно, не причинил, но ситуация не вызывала сомнений.

– Если бы я был стригоем, – проворчал он, – эти двое были бы уже мертвы.

Пять

Все наиболее важные дисциплинарные проблемы в Академии решает директриса Кирова. Она надзирает как за морями, так и за дампиром и прославилась своим творческим подходом к наказаниям. Она не злая в прямом смысле этого слова, но и не добрая. Она просто всерьез относится к поведению студентов и реагирует на него так, как считает нужным.

Существуют, однако, проблемы, выходящие за рамки ее полномочий. Нельзя сказать, что о возможности созыва дисциплинарного комитета стражей было неизвестно, но такое происходило очень, очень редко. Для этого нужно было совершить что-то уж очень серьезное, по-настоящему разозлить их. Скажем, намеренно подвергнуть опасности моря. Или гипотетически намеренно подвергнуть опасности моря.

– Повторяю в последний раз, – проворчала я. – Это произошло ненамеренно.

Я сидела в одном из залов собраний стражей, лицом к лицу с комитетом: Альберта, Эмиль и одна из немногих женщин-стражей кампуса, Селеста. Они расположились за длинным, внушительным столом, а я в кресле, в отдалении от них, отчего чувствовала себя очень уязвимой. Здесь находились и наблюдали за происходящим еще несколько стражей, но, по

счастью, никто из одноклассников не присутствовал и не мог стать свидетелем моего унижения. Дмитрий был среди наблюдателей. В комитет он не вошел. Интересно, они не включили его из-за возможной предвзятости как моего наставника?

– Мисс Хэзевей, – заговорила Альберта своим тоном требовательного командира, – ты не можешь не понимать, почему нам трудно в это поверить.

Селеста кивнула.

– Страж Альто видел все собственными глазами. Ты не стала защищать двоих мороев – включая того, к которому приписана.

– Я защищала! – воскликнула я. – Просто... действовала неуклюже.

– Действовала неуклюже? Нет, это не тот случай, – сказал Стэн, находившийся среди наблюдателей, и посмотрел на Альберту, прося разрешения вмешаться. – Можно? – Она кивнула. Он снова перевел взгляд на меня. – Если бы ты блокировала или атаковала меня, но потом сплеховала, тогда можно было бы сказать, что ты действовала неуклюже. Но ты не блокировала меня. Ты не нападала. Даже не пыталась. Просто стояла, как статуя, и не делала ничего.

Ясное дело, я была возмущена. Мысль, что я могла сознательно допустить, чтобы стригой «убил» Кристиана и Брендона, была абсолютно нелепа. Но что я могла поделать? Только признаться, что либо напортила, либо видела призрака.

Ни то ни другое не годилось, но я должна была каким-то образом уменьшить причиненный мне этой историей ущерб. В первом случае я выглядела бы некомпетентной, во втором сумасшедшей. Ничего себе выбор. Я предпочитала, чтобы меня, как обычно, характеризовали в выражениях «безрассудная» и «деструктивная».

– Почему у меня неприятности из-за того, что я просто сплеховала? – напряженно спросила я. – В смысле, я видела раньше, как Райан не справился с заданием, но у него нет никаких неприятностей. Разве не в этом смысл полевых испытаний? Не в практике? Если бы мы достигли совершенства, нас уже можно было бы выпускать в мир!

– Ты что, ничего не слышала? – спросил Стэн.

Клянусь, у него на лбу вздулась и пульсировала вена. Думаю, он единственный здесь был так же огорчен, как и я. По крайней мере, он единственный (помимо меня) не скрывал своих эмоций. Остальные сидели с бесстрастным выражением на лице, но, с другой стороны, никто из них не был свидетелем происшедшего. На месте Стэна я, может, тоже предположила бы самое худшее.

– Сплеховала! К тебе это не относится, потому что «сплеховала» означает, что ты делала хоть что-то!

– Ладно. Я замерла. – Я с вызовом посмотрела на него. – Почему это нельзя рассматривать как «сплеховала»? Сломалась под давлением обстоятельств и плохо соображала. Просто оказалась не готова. Настал тот самый момент, и я запа-

никовала. Такое все время случается с новичками.

– С новичками, которые уже убивали стригоев? – спросил Эмиль.

Он был из Румынии и говорил с более заметным акцентом, чем Дмитрий, но у него получалось не так мило.

– Что-то не верится.

Я пробежала сердитым взглядом по их лицам.

– Ага, понимаю. Ожидается, что после одного-единственного случая я стала экспертом по стригоям. Не могу запаниковать, или испугаться, или еще что-то в этом роде? Что ж, это имеет смысл. Спасибо вам. Справедливо. По-настоящему справедливо.

Я откинулась в кресле, скрестив на груди руки. Впрочем, лишний раз демонстрировать вызов не было нужды, чего-чего, а этого и так хватало.

Альберта вздохнула и наклонилась вперед.

– Мы спорим о терминах, а между тем технические детали не отражают сути дела. Важно другое: сегодня утром ты абсолютно ясно дала понять, что не хочешь быть стражем Кристиана Озера. Помнится, ты даже говорила, что делаешь это против воли и что очень скоро мы поймем, какая скверная это идея.

Тьфу! Я действительно говорила это. И о чем только я думала?

– И потом, когда пришло время защиты, – закончила она, – выясняется, что ты полностью проигнорировала свои

обязанности.

Я чуть не вывалилась из кресла.

– О чем это вы толкуете? По-вашему, я не защищала Кристиана из мести? Дикость какая-то!

Все трое смотрели на меня, словно чего-то ожидали.

– Всем известно, что ты не склонна спокойно и терпеливо принимать то, что тебе не нравится, – сухо ответила Альберта.

На этот раз я встала, обвиняющим жестом тыча в нее пальцем.

– Это неправда. Я подчинялась всем правилам, наложенным на меня Кировой после нашего возвращения. Тренировалась, сколько было сказано, и соблюдала комендантский час. – Ну, несколько раз я нарушала комендантский час, но ненамеренно и всегда для пользы дела. – С чего бы я стала таким образом ему мстить? Чего я этим добилась бы? Стэ... Страж Альто не причинил бы Кристиану никакого реального вреда, даже бить не стал бы. Единственный результат таких действий – если рассматривать их как сознательные – оказаться втянутой во все это и столкнуться с возможностью отстранения от полевых испытаний.

– Тебе действительно грозит отстранение от полевых испытаний, – решительно заявила Селеста.

– Ох!

Я села, внезапно утратив всю свою дерзость. Несколько мгновений в комнате висело мрачное молчание, а потом за

моей спиной заговорил Дмитрий.

– В ее словах есть смысл, – сказал он. – Если бы она хотела выразить протест или отомстить, то нашла бы для этого другой способ.

Сердце громко заколотилось в груди. Дмитрий понимал, что я никогда не прибегла бы к такому способу мести. Он не считал меня слабоумной. Ну, не слишком слабоумной, по крайней мере.

Селеста нахмурилась.

– Да, но после той сцены, которую она устроила сегодня утром...

Дмитрий сделал несколько шагов вперед и остановился рядом с моим креслом. Его близкое присутствие почти успокоило меня. Возникло острое ощущение *déjà vu* – когда прошлой осенью мы с Лиссой вернулись в Академию, директриса Кирова чуть не исключила меня, но Дмитрий вмешался в разговор и убедил ее не делать этого.

– Это косвенное обстоятельство, – заговорил он. – Да, ситуация выглядит подозрительно, но никаких доказательств нет. Отстранить ее от испытания – и, соответственно, лишить возможности закончить школу – чересчур серьезное наказание, особенно в отсутствие полной уверенности.

Члены комитета задумались. Я сосредоточила внимание на Альберте, поскольку она тут обладала наибольшей властью. Мне она всегда нравилась, и всякий раз, когда приходилось иметь с ней дело, она вела себя требовательно, но

скрупулезно справедливо. Оставалось надеяться, что это ее свойство никуда не делось. Она поманила Селесту и Эмиля наклониться к ней поближе, и они шепотом обсудили что-то. Альберта кивнула, явно уступая, и двое других вернулись на прежние позиции.

– Мисс Хэзевей, у тебя есть что сказать, прежде чем мы объявим свое решение?

Есть ли у меня что сказать? Черт, да. Миллион разных вещей. Хотелось бы сказать, что дело не в моей некомпетентности. Хотелось бы напомнить, что я один из лучших новичков здесь. Хотелось сказать, что я вовремя заметила Стэна и была готова реагировать. И в особенности хотелось сказать, что у меня не было ни малейшего желания иметь в своем личном деле такого рода пометку. Даже если мне разрешат продолжить полевые испытания, за первый тест я во всех случаях получу «неудовлетворительно», а это скажется на суммарной оценке, что, в свою очередь, возможно, отразится на моем будущем.

И снова, какие варианты у меня были? Сообщить им, что я видела призрак? Призрак парня, который отчаянно влюбился в меня и по этой причине погиб? Я по-прежнему не понимала, что означают эти видения. Один раз еще можно было списать за счет усталости... но я видела его дважды. Реален ли он? Разум подсказывал, что нет, но, честно говоря, в данный момент это не имело значения. Реален он или нет, если я расскажу о нем, они сочтут меня чокнутой – и будут

правы. В этом направлении мне ничего не добиться.

– Нет, страж Петрова, – по возможности кротко ответила я. – Мне нечего добавить.

– Хорошо, – устало сказал она. – Итак, вот что мы решили. Тебе повезло иметь такого защитника, как страж Беликов. В противном случае решение могло бы быть другим. Преимущество сомнения на твоей стороне. Ты продолжишь полевые испытания в качестве стража мистера Озера – но на условиях испытательного срока.

– Хорошо. – Большая часть моей академической жизни прошла на условиях испытательного срока. – Спасибо.

– И... – продолжала она. Ой-ой-ой! – Поскольку подозрение не полностью снято, свой выходной день на этой неделе ты проведешь на общественных работах.

Я снова вскочила.

– Что?

Дмитрий сжал мою руку; его теплые пальцы успокаивали, заставляя подчиниться.

– Сядь, – пробормотал он мне на ухо и потянул в кресло. – Удовлетворись тем, что имеешь.

– Если это вырастает в проблему, можно и на следующей неделе сделать то же самое, – предостерегла меня Селеста. – А потом и на пяти оставшихся.

Я села и покачала головой.

– Простите. Спасибо вам.

Слушание закончилось. Я чувствовала себя усталой и

опустошенной. Неужели прошел всего один день? Радостное волнение, которое я испытывала в ожидании полевых испытаний, теперь растаяло. Альберта велела мне отправляться на поиски Кристиана, но Дмитрий спросил, не можем ли мы с ним сначала поговорить наедине. Она согласилась, надеясь, что он меня вразумит.

Комната опустела. Я подумала, что он подсядет ко мне и мы поговорим здесь и сейчас. Однако вместо этого он отошел к столику, на котором стояли автомат с водой, кофе и другими напитками.

– Хочешь горячего шоколада? – спросил он.

Я никак не ожидала этого.

– Конечно.

Он высыпал четыре пакетика растворимого горячего шоколада в две пенопластовые чашки и долил горячей водой.

– Секрет в двойной порции, – сказал он, наполнив их.

Протянул мне мою чашку вместе с деревянной мешалкой и направился к одной из боковых дверей. Посчитав, что нужно последовать за ним, я торопливо догнала его, умудрившись не пролить ни капли горячего шоколада.

– Куда мы... Ох!

За дверью оказалась маленькая застекленная галерея, уставленная небольшими столиками. Я понятия не имела о существовании этого помещения – и неудивительно, ведь это был дом стражей, откуда они руководили всеми делами кампуса. Новичков крайне редко сюда допускали. Я также не

знала, что внутри здания находится небольшой дворик, на который и выходила эта галерея. Я представила себе, что летом можно открыть окна и окунуться в атмосферу зелени и теплого воздуха. Сейчас, в окружении стекла и холода за ним, я чувствовала себя вроде как в ледяном дворце.

Дмитрий смахнул пыль с кресла. Я сделала то же самое и уселась напротив. По-видимому, зимой это помещение редко использовалось. Поскольку галерея застеклена, здесь было теплее, чем снаружи, но никак иначе она не обогревалась. Воздух был прохладный, и я с удовольствием обхватила чашку, грея руки. Мы оба молчали. Я дула на свой шоколад, и это был единственный звук. Дмитрий пил свой, не остужая. Он годами убивал стригоев. Что ему какая-то обжигающе горячая вода?

Так мы сидели в молчании, и я разглядывала его поверх края чашки. Он не смотрел на меня, но, конечно, осознавал, что я за ним наблюдаю. Как и всякий раз при виде его, прежде всего поражало, как он выглядит. Мягкие темные волосы, которые он неосознанно время от времени заправлял за уши; волосы, которые никогда не хотели, чтобы он собирал их в хвост. Глаза карие, взгляд мягкий и сильный одновременно. Такими же противоречивыми свойствами обладал и рот. Когда Дмитрий сражался или имел дело с чем-то неприятным, губы поджимались и твердели. Однако в светлые моменты... когда он смеялся или целовал... ну, они становились замечательно мягкими.

Сегодня, однако, меня поразил не только его внешний вид. Просто сидя рядом, я испытывала ощущение тепла и безопасности. Он дарил мне утешение после этого ужасного дня. С другими людьми я часто испытываю потребность быть в центре внимания и всегда иметь наготове какое-нибудь забавное, остроумное высказывание. Чтобы стать стражем, от этой привычки следовало избавиться – учитывая, в какой степени работа требует умения помалкивать. Однако с Дмитрием мне всегда хотелось просто быть, а не казаться. Не было нужды развлекать его, или шутить, или даже флиртовать. Достаточно просто находиться рядом, чтобы чувствовать себя комфортно – если не учитывать тлеющее желание, – не испытывая никакого ощущения неловкости. Я шумно выдохнула и допила свой шоколад.

– Что все-таки произошло? – спросил он наконец, встретившись со мной взглядом. – Ты не сломалась под давлением обстоятельств?

В его голосе звучало просто любопытство, ни малейшего оттенка обвинения. Я поняла – сейчас он разговаривает со мной не как со студенткой, а как с равной. Просто хочет понять, что со мной происходит. Это не дисциплинарная мера и не лекция.

Отчего все стало только хуже – потому что мне пришлось солгать ему.

– Конечно, так все и было, – ответила я, смотря в чашку. – Если только ты не считаешь, что я сознательно позволила

Стэну «напасть» на Кристиана.

– Нет. Я так не считаю. И никогда не считал. Я знал, что ты огорчилась, узнав о своем назначении, но ни минуты не сомневался – ты сделаешь все, что требуется. Был уверен, что не позволишь личным переживаниям помешать выполнению своих обязанностей.

Я оторвалась от созерцания чашки, снова встретила с ним взглядом и прочла в его глазах абсолютное доверие.

– Я и не позволила. Просто злилась... да и сейчас есть еще немного. Но раз я согласилась его защищать, то действительно намерена делать это. И проведя с ним даже немного времени... Ну, я вовсе не ненавижу его. Я считаю, что он подходит Лиссе и заботится о ней. С чего мне так уж расстраиваться? Просто мы с ним иногда расходимся во мнениях, вот и все... Но ведь тогда, со стригоями, мы действительно хорошо действовали вместе. Я вспоминала об этом, пока была при нем сегодня, и все мои возражения против назначения начали казаться ужасно глупыми. Ну, я и решила – буду делать свое дело как можно лучше.

Я не собиралась говорить много, но было так приятно дать излиться тому, что скопилось внутри. И вид лица Дмитрия способен заставить меня рассказать о чем угодно. Ну, почти о чем угодно.

– Так что же произошло потом? – спросил он. – Со Стэном?

Я отвела взгляд и снова принялась играть с чашкой. Это

претило мне – утаивать что-то от него, но об этом я рассказать не могла. В человеческом мире вампиры и дампирьы – создания мифов и легенд... герои историй, которыми пугают детей. Люди не знают, что мы вполне реальны и ходим рядом с ними по земле. Однако тот факт, что мы реальны, не означает, что все другие сверхъестественные создания из рассказов на ночь тоже реальны. У нас есть свои собственные мифы для рассказов на ночь, и в них тоже фигурируют существа, в которых мы не верим. Оборотни. Привидения. Призраки.

Призраки никакой реальной роли в нашей культуре не играют, они просто источник всяческих проказ и рассказов у костра. Призраки неизбежно появляются во время Хеллоуина, и некоторые легенды о них живут годами. Но в реальной жизни? Нет никаких призраков. Умирать и возвращаться к жизни могут только стригои.

По крайней мере, этому меня всегда учили. Сейчас я совершенно искренне не могла объяснить, что произошло. То, что я просто вообразила Мейсона, казалось более вероятным, чем появление его в виде призрака. Но господи, раз так, значит, мне всерьез угрожает опасность свихнуться. Все это время я беспокоилась, как бы с Лиссой не случилось чего-нибудь такого. Кто знал, что на самом деле беспокоиться следовало о себе?

Дмитрий по-прежнему ждал ответа, не спуская с меня взгляда.

– Я не знаю, что произошло. Я хотела сделать все, как надо... просто... сплеховала.

– Роза, ты очень неумелая лгунья.

Я подняла взгляд.

– Вовсе нет. Мне много раз в жизни приходилось лгать, и получалось совсем неплохо. Люди всегда верили.

Он слегка улыбнулся.

– Не сомневаюсь. Но со мной не срабатывает. Во-первых, потому, что ты не смотришь мне в глаза. Во-вторых... Ну, не знаю. Просто чувствую.

Проклятье. Он просто чувствует. Он слишком хорошо меня знает. Я встала и направилась к двери, повернувшись спиной к нему. Обычно я дорожу каждой минутой общения с ним, но сегодня я не могла больше этого выносить. Я ненавидела лгать ему, но и не хотела рассказывать правду. Оставалось одно – уйти.

– Послушай, я ценю твое беспокойство обо мне... но правда все в порядке. Я просто не справилась. Меня это смущает... и очень жаль, что я посрамила твое потрясающее обучение... но я исправлюсь. В следующий раз заднице Стэна достанется.

Я даже не слышала, как он встал, но внезапно Дмитрий оказался совсем рядом. Положил руку мне на плечо, и я замерла около двери. Он не пытался притянуть меня к себе, но, ох, одна эта рука на моем плече обладала всей властью мира.

– Роза, – заговорил он, и я почувствовала, что он больше

не улыбается. – Не знаю, почему ты лжешь, но уверен, ты не поступала бы так без серьезной причины. И если существует что-то плохое... что-то, о чем ты боишься рассказать остальным...

Я резко обернулась, ухитрившись сделать это таким образом, что его рука осталась на моем плече.

– Я не боюсь! – закричала я. – И да, у меня есть причина, но, поверь, то, что произошло со Стэном, полная ерунда. Правда-правда. Объяснение настолько глупо, что выходит за рамки всякой соразмерности. Не нужно жалеть меня, не нужно думать, будто ты непременно должен сделать что-то. Произошедшее неприятно, но я переживу получение черной метки. Я сама позабочусь обо всем. Я сама позабочусь о себе.

Понадобились все мои силы, чтобы просто сдержать дрожь. Что за день такой – странный, неуправляемый?

Дмитрий молчал. Просто смотрел на меня – и такого выражения на его лице я никогда прежде не видала. И не могла разгадать его. Злится? Осуждает? Не знаю. Пальцы на моем плече сжались чуть крепче и потом расслабились.

– Ты вовсе не обязана справляться с этим в одиночку, – произнес он наконец.

В его голосе прозвучали такие нотки... тоскливые, что ли? Это не имело смысла. Ведь он постоянно твердил мне, что нужно быть сильной. Захотелось броситься в его объятия, но я понимала, что этого делать нельзя.

Я не смогла сдержать улыбку.

– Ты говоришь это... Но скажи мне правду. Разве ты тут же бежишь к другим, если возникает проблема?

– Это не одно и то же...

– Ответь на вопрос, товарищ.

– Не называй меня так.

– А ты не увиливай от ответа.

– Нет, – сказал он. – Я стараюсь справиться со своими проблемами самостоятельно.

Я выскользнула из-под его руки.

– Видишь?

– Но у тебя в жизни немало людей, которым можно доверять, которые заботятся о тебе. Это все меняет.

Я удивленно посмотрела на него.

– А у тебя нет людей, которые заботятся о тебе?

Он нахмурился, явно обдумывая собственные слова.

– Ну, в моей жизни всегда были хорошие люди... и такие, которые заботились обо мне. Но это не означает, что я мог доверять им и рассказывать обо всем.

Увлеченная странностью наших с ним отношений, я редко задумывалась о жизни Дмитрия вне их пределов. В кампусе все его уважали. И учителя, и студенты считали его одним из самых смертоносных стражей. И всякий раз, когда приходилось встречаться со стражами за пределами школы, они, казалось, знали и уважали его. Но вот чтобы он просто общался с другими... Этого я почти не могла припомнить. Близких

друзей среди стражей у него нет – просто коллеги. Наиболее дружественные отношения у него были с тетей Кристиана, Ташей Озера; как-то она сюда приезжала. Они давно знали друг друга, и все же, когда она уехала, он, похоже, от этого не страдал.

Дмитрий был ужасно одинок, поняла я, удовлетворяясь – за рамками работы – своими ковбойскими романами, которые он читал где-нибудь вдали от людей. Я тоже чувствовала себя одинокой, но, если честно, почти всегда была окружена людьми. Он являлся моим учителем, и это делало мое восприятие его односторонним: он всегда давал мне что-то, будь то совет или инструкция. Однако я тоже давала ему что-то... что-то гораздо более трудно определяемое... взаимоотношения с другим человеком.

– Ты доверяешь мне? – спросила я.

– Да, – ответил он после еле заметного колебания.

– Тогда доверься мне сейчас. И конкретно в этом случае не тревожься обо мне.

Я пошла дальше, и он не сказал ничего и не предпринял попытки задержать меня. Я пересекла зал, где проходило слушание, и направилась к главному выходу из здания, по дороге выплеснув в мусорную корзину остатки своего горячего шоколада.

Шесть

Свидетелями происшедшего во дворе были всего три человека, и тем не менее – что неудивительно – казалось, о нем знали все к тому моменту, когда позже я направилась в столовую. Уроки закончились, но большинство студентов снова вали по коридорам вместо того, чтобы заниматься, или пересдавать контрольные работы, или делать еще что-нибудь в этом духе. Они старались скрыть от меня свои взгляды и перешептывания, но не слишком преуспели в этом. Те, кто встречался со мной взглядом, либо натянуто улыбались, либо тут же отворачивались. Замечательно.

В отсутствие психической связи с Кристианом я понятия не имела, где его искать. Почувствовав, что Лисса в библиотеке, я решила, что это подходящее место для начала поисков. Идя туда, я услышала за спиной обращенные ко мне слова:

– Совсем распоясалась!

Я обернулась и увидела идущих в нескольких шагах позади Райана и Камиллу.

Будь я парнем, подходящим ответом было бы: «Ты говоришь о своей мамочке?»

Поскольку я не парень и имею представление о хороших манерах, то сдержалась.

– Не понимаю, о чем ты.

Райан нагнал меня.

– Все ты понимаешь. С Кристианом. Я слышал, когда Стэн напал, ты бросила его на растерзание и ушла.

– О господи! – застонала я; достаточно скверно, когда все обсуждают тебя, но почему вдобавок в рассказы всегда вносятся искажения? – Ничего подобного не произошло.

– Тогда почему тебя вызывали к Альберте?

– Послушай, – сказала я, чувствуя, как мои хорошие манеры улетучиваются, – я просто не справилась с нападением... как ты раньше, когда был недостаточно внимателен в коридоре, сечешь?

Он слегка покраснел.

– Эй, в конце я принял участие...

– Ты имеешь в виду то, что называют «быть убитым»?

– По крайней мере, я не вел себя как скулящая сука, отказывающаяся сражаться.

Я только-только начала успокаиваться после разговора с Дмитрием, однако сейчас моя раздраженность резко подскочила – словно температура в градуснике, готовом вот-вот взорваться.

– Знаешь, вместо того чтобы критиковать других, ты лучше уделял бы больше внимания своим обязанностям стража.

Я кивнула на Камиллу. До сих пор она помалкивала, но, судя по выражению ее лица, все жадно впитывала.

Райан пожал плечами.

– Я могу делать и то и другое. Шейн позади нас, а про-

странство впереди чисто. Никаких дверей. Легко. – Он хлопал Камиллу по плечу. – Она в безопасности.

– Здесь легко охранять. В реальном мире с реальными стригоями все будет не так просто.

Его улыбка увяла, в глазах вспыхнула злость.

– Верно. Насколько я слышал, ты и там не слишком-то утруждалась. По крайней мере, в том, что касается Мейсона.

Насмешки над тем, что случилось со Стэном и Кристианом, – это одно. Но намек на то, что я ответственна за смерть Мейсона? Непозволительно. Я два года обеспечивала безопасность Лиссы в человеческом мире. Я убила в Спокане двух стригоев. Я – единственный новичок в этой школе, имеющий знаки молнии – маленькие татуировки, которые получают убившие стригоев стражи. Я знала, что некоторые перешептывались насчет случившегося с Мейсоном, но в лицо мне никто ничего не высказывал. Думать, что Райан или кто-то другой считают меня в ответе за смерть Мейсона... Это было уже чересчур. Я и без них достаточно винила себя.

Градусник взорвался.

Одним молниеносным движением я проскочила мимо Райана, схватила Камиллу и оттолкнула к стене. Не с такой силой, чтобы причинить вред, но она явно испугалась – глаза расширились в шоке, и вдобавок я обхватила ее рукой за горло.

– Что ты делаешь? – воскликнул Райан, переводя взгляд с меня на нее.

Я слегка сменила позу, но Камиллу не отпустила.

– Пополняю твое образование, – вежливо сказала я. – Иногда бывает не так легко охранять, как ты думаешь.

– Чокнутая! Ты не смеешь причинить вред морою. Если стражи узнают...

– Конечно не смею. – Я перевела взгляд на Камиллу. – Я причиняю тебе вред? Ты испытываешь жуткую боль?

Она заколебалась, но тут же отрицательно затрясла головой – настолько энергично, насколько позволяли обстоятельства.

– Тебе неудобно?

Еле заметный кивок.

– Видишь? – сказала я Райану. – Неудобство и боль – разные вещи.

– Ты ненормальная. Отпусти ее.

– Я еще не закончила, Рай. Обрати внимание, потому что это важно: опасность может исходить откуда угодно. Не только стригои, бывают стражи, одетые как стригои. Продолжай вести себя точно самоуверенный козел, воображающий, будто знает все, – я слегка напрягла руку, по-прежнему не перекрывая Камилле дыхания и не причиняя боли, – и ты непременно упустишь что-нибудь. И оно может убить твоего моро.

– Ладно, ладно. Пусти. Пожалуйста, прекрати. – Его голос дрожал, всякое позерство исчезло. – Ты пугаешь ее.

– Я тоже боялась бы, если бы моя жизнь находилась в тво-

их руках.

Запах гвоздики предупредил о появлении Адриана. Я также заметила, что подошли Шейн и еще несколько человек. Они выглядели неуверенно – вроде бы хотели вмешаться, но опасались причинить Камилле вред. Я понимала, что нужно отпустить ее, но Райан ужасно меня разозлил. Я должна была доказать ему свою правоту. Должна наказать его. И, по правде говоря, я даже не испытывала сочувствия к Камилле, поскольку уверена – она внесла свою лепту в распространение обо мне грязных слухов.

– Восхитительно, – лениво, как обычно, произнес Адриан. – Но, думаю, ты уже добилась своего.

– Даже не знаю, – ответила я голосом, звучащим одновременно нежно и угрожающе. – Я все еще не уверена, что Райан въехал.

– Ради бога, Роза! Понял я, понял! – воскликнул Райан. – Просто отпусти ее.

Адриан обошел меня и встал рядом с Камиллой. Мы с ней были тесно прижаты друг к другу, но он ухитрился втиснуться таким образом, что его лицо оказалось почти рядом с ее. На физиономии – обычная для него дурацкая усмешка, но темно-зеленые глаза смотрели серьезно.

– Да, маленькая дамписка, отпусти ее. Ты свое дело сделала.

Мне хотелось сказать Адриану, чтобы он отстал от меня и я сама буду решать, когда пора заканчивать. Но как-то так

получилось, что я не смогла произнести ни слова. Я разрывалась между злостью на него и пониманием того, что он говорит... разумные вещи.

– Отпусти ее, – повторил он.

Сейчас мой взгляд был прикован к Адриану, не к Камилле. Внезапно понимание того, что он прав, овладело мною целиком. Конечно, нужно отпустить ее. Я убрала руку и отступила. Хватая ртом воздух, Камилла укрылась за Райаном, используя его как щит. Теперь я видела, что она вот-вот расплачется. Райан выглядел ошеломленным.

Адриан выпрямился и махнул рукой Райану.

– Я на твоём месте убрался бы отсюда – прежде чем ты по-настоящему разозлишь Розу.

Райан, Камилла и остальные медленно попятились от нас. Адриан обнял меня за плечи и поспешно увлек в сторону библиотеки. Меня охватило странное чувство, словно я только что проснулась, но потом с каждым шагом ситуация становилась яснее и яснее. Я сбросила его руку и резко отстранилась.

– Ты только что применил ко мне принуждение! – воскликнула я. – Заставил меня отпустить ее.

– Пришлось. У тебя был такой вид, словно ты вот-вот ее придушишь.

– Ничего подобного. Я не сделала бы этого. – Я открыла дверь в библиотеку. – И ты не имел права так поступать со мной. Никакого права.

Принуждение – метод заставить человека сделать то, что пожелаешь, – умение, которым все морои обладают в очень незначительной степени. Использовать его считается аморальным, и большинство мороев не в состоянии причинить с его помощью серьезный вред. Дух, однако, усиливает эту способность, поэтому и Лисса, и Адриан бывают очень опасны.

– А ты не имела права зажимать бедную девушку в коридоре, просто чтобы ублажить собственную растревоженную гордость.

– Райан не имел права говорить такие вещи.

– Я понятия не имею, что это за «вещи», но если я правильно оцениваю твой возраст, ты достаточно взрослая, чтобы не выходить из себя из-за грязных сплетен.

– Не выходить из...

Я замолчала – мы уже были у стола, за которым работала Лисса. Судя по ее лицу и эмоциям, меня ожидали неприятности. Эдди стоял в паре футов от нее, прислонившись к стене и наблюдая за помещением. Его глаза расширились при виде меня, но он не сказал ни слова.

Я села в кресло напротив нее.

– Привет.

Она подняла взгляд, вздохнула и снова вернулась к своему учебнику.

– Я все ждала, когда ты появишься, – сказала она. – Тебя отстранили от испытаний?

Она говорила спокойно и вежливо, но я воспринимала скрытые в глубине ее души чувства. Раздражение. И даже отчасти гнев.

– На этот раз нет, – ответила я. – Просто придется выполнять кое-какие общественные работы.

Она промолчала, но я чувствовала благодаря нашей связи, что ее настроение не изменилось.

Теперь вздохнула я.

– Ладно, поговори со мной, Лисс. Я знаю, ты сердишься.

Адриан посмотрел на меня, потом на нее, потом снова на меня.

– У меня такое чувство, будто я что-то упускаю.

– Замечательно! – сказала я. – Ты пришел, испортил мне разборку и даже не знаешь, из-за чего все было.

– Разборку? – спросила Лисса.

Чувствовалось, что она сбита с толку.

– Что все-таки произошло? – повторил Адриан.

Я кивнула Лиссе.

– Давай расскажи ему.

– Роза проходила свой первый тест и отказалась защищать Кристиана. – Она возмущенно покачала головой и вперила в меня обвиняющий взгляд. – Я просто поверить не могу, что ты способна на такие вещи. Это ребячество.

Лисса пришла к тем же выводам, что и стражи. Я вздохнула.

– Это произошло ненамеренно! На слушании только и

твердили эту чушь. Ну, я им то же самое сказала.

– Тогда что же произошло? – требовательно спросила она. – Почему ты сделала это?

Я не знала, что сказать. Мое нежелание говорить правду даже не имело отношения к присутствию здесь Адриана и Эдди – хотя я, конечно, не хотела, чтобы они услышали. Проблема была гораздо сложнее.

Дмитрий прав – есть люди, которым я могу доверять, и двум из них я доверяла безоговорочно – ему и Лиссе. Ему я так и не сказала правду. Поступлю ли я... смогу ли поступить... так же и с ней? Пусть она и злилась, я без тени сомнения знала, что Лисса всегда поддержит меня. Однако в точности как с Дмитрием, мне не хотелось рассказывать ей историю с призраком. И в точности как с Дмитрием, в качестве объяснения у меня оставался тот же выбор: безумие или некомпетентность.

Благодаря нашей связи я почувствовала, что у нее на душе чисто и ясно. Никаких негативных эмоций, мрачности или признаков безумия – и тем не менее в глубине что-то трепетало. Легкое такое шевеление. Антидепрессантам понадобится время, чтобы полностью выйти из организма, однако даже после одного дня без них ее магия уже начала пробуждаться. Я подумала о своей встрече с призраком, вспомнила полупрозрачное, грустное лицо Мейсона. Разве могла я хотя бы попытаться объяснить это? Разве могла я завести разговор о чем-то столь странном и фантастическом, когда она

прикладывает огромные усилия, чтобы ее жизнь оставалась нормальной даже в условиях, когда ей предстоит снова освоить магию?

Нет, осознала я. Это невозможно. Пока нет – в особенности когда я внезапно поняла, что надо рассказать ей еще кое о чем очень важном.

– Я замерла, – сказала я в конце концов. – Глупо, конечно. Я была так самоуверенна... считала, что могу справиться с кем угодно, и потом Стэн... – Я пожала плечами. – Не знаю. Я просто не могла среагировать, сама не знаю почему. Мне очень неловко. И надо же – чтобы это случилось именно с Кристианом.

Лисса внимательно вглядывалась в мое лицо, пытаюсь понять, правду ли я говорю. Было больно думать, что она мне не доверяет, если не считать того, что... ну, я же действительно врала. Как я сказала Дмитрию, я могу быть хорошей лгуньей – когда хочу. Сомнения Лиссы не рассеялись.

– Хотелось бы мне заглянуть в твой разум, – задумчиво сказала она.

– Брось! Ты же знаешь меня. И что, в самом деле думаешь, что я могла так поступить? Сдать Кристиана и поставить себя в глупое положение, просто чтобы «насолить» учителям?

– Нет, – ответила она в конце концов. – Ты бы, скорее всего, сделала это так, чтобы тебя не застукали.

– Дмитрий то же самое говорит, – проворчала я. – Приятно, что все так верят в меня.

– Мы верим, – возразила она. – Потому-то все и выглядит так странно.

– Даже я могу совершать ошибки. – Я придала лицу дерзкое, самоуверенное выражение. – Знаю, в это трудно поверить, для меня самой сюрприз, но, полагаю, такое должно иногда случаться. Подобным образом карма поддерживает равновесие вселенной. А иначе получилось бы несправедливо – чтобы один человек был настолько безупречен.

Адриан, в виде исключения молчащий, наблюдал за нашим разговором с таким видом, словно это был теннисный матч. Он слегка прищурил глаза – надо полагать, вглядывался в наши ауры.

Лисса закатила глаза, но, по счастью, гнев, который я ощущала раньше, начал ослабевать. Она поверила мне. Потом она перевела взгляд на кого-то за моей спиной; радостные, золотистые эмоции, которые я почувствовала, свидетельствовали о появлении Кристиана.

– Мой преданный телохранитель вернулся, – заявил он, подтягивая к себе кресло, и посмотрел на Лиссу. – Ты уже закончила?

– Закончила с чем?

Он наклонил голову в мою сторону.

– Устраивать ей выволочку за то, что она позволила смертоносным когтям Альто сцапать меня.

Лисса покраснела. Ее уже слегка мучила совесть из-за того, что она на меня набросилась – теперь, когда я сумела

оправдаться. Дерзкое, понимающее замечание Кристиана заставило ее почувствовать себя еще глупее.

– Мы просто поговорили об этом, вот и все.

Адриан зевнул и откинулся в своем кресле.

– Вообще-то, думаю, я разобрался в том, что произошло. Это какая-то афера. Афера с целью отпугнуть меня, поскольку я всегда говорил, что хочу видеть тебя своим стражем. Ты подумала – притворюсь-ка я плохим стражем, он от меня и отвяжется. Ну не сработало, так что нет смысла в следующий раз рисковать чьей-то жизнью.

Я была благодарна ему за то, что он не упомянул об инциденте в коридоре. Райан, конечно, перешел все границы, но по мере того, как шло время, мне было все труднее поверить, что я сорвалась подобным образом. Как будто это произошло не со мной, как будто я была просто сторонним наблюдателем. Конечно, в последнее время я срываюсь на каждом шагу. Разозлилась из-за того, что меня приставили к Кристиану, разозлилась, услышав обвинения стражей, разозлилась...

Ох, да! Сейчас, наверно, самое время «бросить бомбу».

– Ммм... Ну... Есть одна новость, которую вам, ребята, нужно знать.

Все взгляды – даже Эдди – обратились на меня.

– Что еще? – спросила Лисса.

Говорить им это было нелегко, и я просто безоглядно устремилась вперед.

– Выяснилось, что Виктор Дашков до сих пор не признан виновным за то, что натворил. Просто сидел за решеткой. Однако в конце концов состоится официальное судебное разбирательство – на той неделе или что-то около того.

Услышав его имя, Лисса среагировала примерно так же, как я. Через нашу связь в меня хлынули шок и страх. В ее сознании вспыхнули картинки происшедшего. То, как извращенные действия Виктора чуть не свели ее с ума. Пытки, которым подвергал ее один из приспешников Виктора. То, как она нашла истекающего кровью Кристиана после нападения гончих Виктора. Она сжала кулаки с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Кристиан не мог чувствовать ее реакцию так, как я, но он в этом и не нуждался. Он накрыл ее руки своими, однако она едва ли заметила это.

– Но... Но... – Она сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться. – Как можно сомневаться в том, что он виновен? Все же знают... Все видели...

– Таков закон. Полагается дать ему шанс защитить себя.

Смятение охватило ее, но потом, медленно, она пришла к пониманию того, что дошло до меня в разговоре с Дмитрием.

– Значит... постой... получается, есть шанс, что его не признают виновным?

Я смотрела в ее широко распахнутые, испуганные глаза и не могла заставить себя подтвердить догадку. По-видимому, выражение моего лица сказало ей все.

Кристиан стукнул кулаком по столу.

– Абсурд!

Его вспышка заставила людей за соседними столиками оглянуться.

– Это политика, – сказал Адриан. – Те, кто наверху, всегда расплачиваются по другим правилам.

– Но он едва не убил Розу и Кристиана! – воскликнула Лисса. – Он похитил меня! Какие могут быть вопросы?

Лиссу обуревали эмоции. Страх. Огорчение. Ярость. Возмущение. Непонимание. Беспомощность. Я не хотела, чтобы она погружалась в эти мрачные чувства, и отчаянно надеялась, что подруга сумеет успокоиться. Так и происходило – медленно, неуклонно... но потом во мне начал нарастать гнев. Прямо как в истории с Райаном.

– Это формальность, уверен, – заявил Адриан. – Когда все доказательства будут представлены, вряд ли возникнут какие-то дебаты.

– В том-то и соль, – сказала я с горечью. – Они не собираются представлять все доказательства. Нас там не будет.

– Что? – воскликнул Кристиан. – Тогда кто станет свидетельствовать?

– Стражи, которые там были. Нам, видимо, не доверяют, сомневаются, что мы умеем держать язык за зубами. Королева не хочет сообщать миру, что один из ее драгоценных приближенных способен на столь дурные поступки.

– Однако именно мы – причина судебного разбирательства, – сверкнула глазами Лисса.

Кристиан встал, оглядываясь вокруг с таким видом, словно ожидал обнаружить в библиотеке Виктора.

– Я займусь этим немедленно.

– Конечно, – ехидно заметил Адриан, – если ты ворвешься к ним, открыв ногой дверь, это сразу заставит их передумать. Возьми Розу с собой, и вы точно произведете неизгладимое впечатление.

– А что, у тебя есть идея получше? – спросил Кристиан, вцепившись в спинку кресла и сверля Адриана яростным взглядом.

Спокойствие Лиссы снова пошло рябью.

– Если Виктор окажется на свободе, он снова начнет преследовать нас?

– Если его отпустят, долго на свободе он не протянет, – угрожающе бросила я. – Уж я позабочусь об этом.

– Поосторожнее. – Адриан, казалось, находил разговор забавным. – Даже ты не сможешь уйти от наказания, убив члена королевской семьи.

Я собралась ответить, что сначала попрактикуюсь на нем, однако резкий возглас Эдди заставил меня замолчать.

– Роза!

Инстинкт, выработанный годами обучения, мгновенно вернул меня к действительности. Я подняла взгляд и увидела то, что раньше заметил он. В библиотеку вошел Эмиль и теперь оглядывал ее в поисках новичков, делая пометки. Я вскочила и заняла позицию неподалеку от Эдди, позволяю-

шую мне видеть Кристиана и бо2льшую часть библиотеки. Проклятье! Я должна взять себя в руки, или кончится тем, что Райан окажется прав. В период между скандалом в коридоре и разговором о Викторе я полностью пренебрегала своими обязанностями стража. Может, я и без Мейсона напортачила бы со Стэном.

Эмиль, похоже, не заметил, что я только что сидела и разговаривала. Он прошагал мимо, оглядел нас, записал что-то и пошел дальше, в глубину библиотеки. Я была на волосок от новых неприятностей и, избежав их, испытала чувство облегчения. Нет, необходимо срочно справиться с собой. Это было трудно. Мрачное настроение снова овладело мной, а наблюдать спокойно, как Лисса и Кристиан сердито обсуждают судебное разбирательство Виктора, сил больше не было. Я хотела вмешаться, высказать свои доводы. Хотела громко выразить возмущение и разочарование. Однако подобную роскошь я как страж не могла себе позволить. Моя первая обязанность – защищать мороев и не давать волю собственной импульсивности. Снова и снова я мысленно повторяла мантру стражей: «Они на первом месте».

В последнее время эти слова стали раздражать меня.

Семь

Когда было сделано первое предупреждение о приближении комендантского часа, морои собрали свои вещи. Адриан удалился сразу же, но Лисса и Кристиан воспользовались возможностью вместе дойти до спального корпуса. Они держались за руки, сблизив головы, и шептались о чем-то, что я могла «подслушать», только проникнув в голову Лиссы. Они все еще негодовали по поводу новостей о Викторе.

Давая им возможность побыть наедине, я держалась на расстоянии, наблюдая за местностью; Эдди шел рядом с ними. Поскольку в кампусе вампиров намного меньше, морои занимают два стоящих вплотную друг к другу спальных корпуса. Дойдя до того места, где дорожка раздваивалась, они остановились, поцеловались на прощанье, и я из кожи вон лезла, стараясь вести себя как принято у стражей: «смотреть, но не видеть». Лисса попрощалась со мной и вместе с Эдди пошла к своему корпусу, а я последовала за Кристианом.

Если бы я охраняла Адриана или кого-то вроде него, то, скорее всего, ближайшие шесть недель была бы вынуждена мириться с игривыми шуточками на тему сна в одной комнате. Однако Кристиан вел себя со мной в небрежной, грубоватой манере – почти как с сестрой. Добрый брат Кристиан расчистил для меня место на полу, а к тому времени, когда он вернулся из ванной, я соорудила себе из одеял уют-

ную постель. Он выключил свет и улегся.

Спустя несколько мгновений я окликнула его:

– Кристиан!

– Вообще-то сейчас время сна, Роза.

Я зевнула.

– Поверь, я и сама хочу спать. Но у меня есть вопрос.

– О Викторе? Знаешь, мне нужно выспаться, а это снова взбудоражит меня.

– Нет, кое о чем еще.

– Ладно, давай.

– Почему ты не высмеял меня из-за этой истории со Стэном? Все остальные пытались вычислить, действительно ли я не справилась или допустила промашку намеренно. Лисса и та допрашивала меня. И Адриан тоже, немного. А стражи... ну, не стоит о них. Однако ты не сказал ничего, а между тем от тебя первого я ждала колких замечаний.

Последовала пауза. Я надеялась, что он обдумывает ответ, а не просто заснул.

– Не было смысла дергать тебя, – пояснил он наконец. – Я знаю, ты сделала это ненамеренно.

– Почему? Я имею в виду, почему ты так уверен, что я сделала это ненамеренно?

– Из-за нашего разговора в классе кулинарного мастерства. И потому что ты не такая. Я видел тебя в Спокане. Тот, кто сделал ради нашего спасения то, что сделала ты... Ну, ты неспособна на столь ребячьи выходки.

– Здорово! Спасибо. Я... ну, в смысле, это много для меня значит. – Кристиан поверил мне, когда все остальные сомневались. – Ты первый человек, который действительно верит, что я просто оплошала, а не имела никаких скрытых мотивов.

– Ну, в это я тоже не верю.

– Не веришь во что? Что я оплошала? Почему?

– Ты слушаешь, что тебе говорят? Я видел тебя в Спокане. Человек вроде тебя не может просто так замереть, будто столб.

Я начала вешать ему ту же лапшу на уши, что и стражам, – дескать, убийство стригоев еще не делает меня неодолимой, но Кристиан прервал меня.

– Я видел в тот момент твое лицо.

– Ох... Во дворе?

– Да. – Последовала новая пауза. – Не знаю, что произошло, но ты выглядела не как человек, которым владеет жажда мести. И не как человек, не заметивший нападения Стэна. Это было что-то совсем другое... Не знаю. Но ты была полностью поглощена чем-то и... честно? Знаешь, какое у тебя было выражение лица? Испуганное.

– Тем не менее... ты не стал ко мне цепляться.

– Это не мое дело. Так завладеть тобой могло только что-то очень серьезное. Но если уж дойдет до настоящего дела, я чувствую себя в безопасности с тобой, Роза. Знаю, будь там настоящий стригой, ты защитила бы меня. – Он зевнул. –

Ладно. Теперь, когда я излил тебе свою душу, давай наконец поспим? Может, ты не нуждаешься во сне, но не всем так везет.

Он уснул. Вскоре я и сама закрыла глаза. У меня был долгий день, а перед ним почти бессонная ночь. Едва я крепко уснула, как увидела сон. И сразу же почувствовала признаки того, что это один из неестественных снов Адриана.

– Ох, нет... – простонала я.

Я стояла в саду, в самом разгаре лета. Воздух тяжелый, влажный. Меня заливают золотистые волны солнечного света. Повсюду вокруг цветы самой разной окраски, воздух густо насыщен запахами сирени и роз. С цветка на цветок перелетают пчелы и бабочки. На мне джинсы и льняная безрукавка. Мой назар, маленький стеклянный глаз, якобы защищающий от зла, свисает с шеи. На запястье четки – браслет из бусин с крестом. Это фамильная ценность Драгомиров, подаренная мне Лиссой. В обычной жизни я редко ношу драгоценности, но всегда появляюсь в них в этих снах.

– Где ты? – позвала я. – Я знаю, ты здесь.

Адриан вышел из-за яблони, густо усыпанной розовыми и белыми цветами. Он был в джинсах хорошего качества и, можно не сомневаться, от какого-нибудь модного дизайнера. Еще на нем была темно-зеленая хлопчатобумажная тенниска, тоже совсем простая. В солнечном свете каштановые волосы отсвечивали золотом.

– Я говорила, чтобы ты держался подальше от моих снов, –

процедила я, уперев руки в боки.

Он лениво улыбнулся мне.

– А как еще с тобой можно поговорить? Ты была не очень-то дружелюбно настроена.

– Может, если бы ты не использовал принуждение на людях, у тебя бы появилось больше друзей.

– Я спас тебя от самой себя. Твоя аура напоминала грозное облако.

– Ладно, предлагаю, в виде исключения, не разговаривать об аурах и грозящей мне судьбе.

Судя по выражению его глаз, именно это он и хотел обсудить, но решил пойти мне навстречу.

– Хорошо. Можем поговорить о других вещах.

– Но я вообще не хочу разговаривать! Я хочу спать.

– Ты и спишь. – Адриан улыбнулся и подошел к столбу, обвитому вьющимся растением, внимательно разглядывая его цветы, оранжевые и желтые, по форме напоминающие рупор. Он нежно провел пальцами по краю одного такого цветка. – Это сад моей бабушки.

– Замечательно. – Я удобно прислонилась к яблоне; похоже, визит сюда затянется. – Теперь, я так понимаю, мне предстоит услышать историю твоей семьи.

– Эй, она была крутая леди.

– Не сомневаюсь. Я могу идти?

Он по-прежнему не отрывал взгляда от цветов.

– Не советую пренебрежительно относиться к родослов-

ной мороев. Тебе ничего не известно о твоём отце. Может, мы родственники.

– Означает ли это, что ты готов оставить меня в покое?

Он подошел ко мне и продолжил так, будто не слышал моего вопроса:

– Ха, не стоит волноваться. Думаю, у нас разные предки. Кстати, твой папа вроде бы из Турции?

– Да, так говорит моя... Эй, что это ты уставился на мою грудь?

Он пристально разглядывал меня, но на этот раз сосредоточился не на лице. Я скрестила на груди руки и вперила в него сердитый взгляд.

– Я смотрю на твою блузку. Цвет неподходящий.

Он протянул руку и прикоснулся к бретельке. Материя цвета слоновой кости приобрела тот же сочный оттенок цвета индиго, что и цветы выющегося растения, – словно чернила, расплывающиеся по бумаге. Он прищурился – точно искусный художник, изучающий свое творение.

– Как ты это делаешь? – воскликнула я.

– Это же мой сон. Ммм... Синий – не твой цвет. Давай попробуем вот это. – Синий мгновенно сменился ярко-алым. – Да, вот оно. Твой цвет красный. Красный, как роза, как свежая, свежая роза.

– О господи, – простонала я. – Не знала, что даже в своих снах ты помешан на моде.

Он никогда не бывал таким мрачным и угнетенным, как

Лисса в прошлом году, но дух определенно временами оказывал на него странное воздействие.

Он отступил и широко раскинул руки.

– Я всегда помешан на всем, что связано с тобой, Роза. Сейчас ты услышишь посвященные тебе импровизированные стихи.

Он откинул голову назад и прокричал в небо:

Роза – красный цвет.

Нет, не синий, нет.

Как колючка остра

И в сражении быстра.

Адриан уронил руки и устремил на меня вопросительный взгляд.

– Как может колючка участвовать в сражении? – спросила я.

Он покачал головой.

– Искусство не обязательно должно иметь смысл, маленькая дампирка. Кроме того, предполагается, что я безумен, верно?

– Я видела тебя и в более безумном состоянии.

– Ну, я буду работать над этим.

Он отошел, чтобы рассмотреть гортензию. Я хотела снова спросить, когда смогу вернуться в свой сон, но наш разговор навел меня на одну мысль.

– Адриан... как узнать, безумен ты или нет?

Он отвернулся от цветов с улыбкой, явно собираясь пошутить, но потом разглядел выражение моего лица. Улыбка погасла, он стал необычно серьезен.

– Думаешь, ты безумна? – спросил он.

– Не знаю, – ответила я, опустив взгляд. Я была босиком, и острые травинки щекотали ноги. – Я видела... кое-что.

– Безумные редко задаются вопросом, безумны они или нет, – глубокомысленно ответил он.

Я вздохнула и подняла на него взгляд.

– От этого мне не легче.

Он вернулся и положил руку на мое плечо.

– Не думаю, что ты безумна, Роза. Но полагаю, тебе пришлось через многое пройти.

Я нахмурилась.

– Что это значит?

– Это значит, что я не считаю тебя безумной.

– Спасибо. Ну, теперь все прояснилось. Знаешь, эти твои сны действительно начинают доставать меня.

– А вот Лисса против них ничего не имеет.

– Ты что, проникаешь и в ее сны? У тебя всерьез отсутствует всякое представление о границах?

– Нет, в ее сны я хожу только с целью инструктажа. Она хочет научиться этому искусству.

– Замечательно. Значит, просто я такая везучая, что мне приходится терпеть твои сексуальные домогательства.

У него сделался по-настоящему обиженный вид.

– Хотелось бы, чтобы ты не относилась ко мне так, будто я – воплощение зла.

– Извини. Просто у меня нет оснований считать, что от тебя может быть какой-то толк.

– Ага, не то что от твоего наставника, совратителя малолетних. Честно говоря, не вижу, чтобы ты достигла с его помощью хоть какого-то прогресса.

Я отступила на шаг и сощурилась.

– Вот только Дмитрия не трогай.

– Не буду – если ты перестанешь считать, будто он само совершенство. Поправь меня, если я ошибаюсь, но он скрывал от тебя факт судебного разбирательства над Дашковым, верно?

Я отвела взгляд.

– В данный момент это не имеет значения. Кроме того, у него были свои причины.

– Ну да, которые, надо полагать, оправдывают молчание, а теперь он отказывается бороться за то, чтобы вы присутствовали там. В то время как я... Я могу сделать так, что вы примете участие в этом разбирательстве.

– Ты? – Я хрипло рассмеялась. – И как ты этого добьешься? Обкуришь судью до полного упадка сил? Используешь принуждение на королеве и половине двора?

– Не следует вот так, походя, говорить гадости людям, реально способным тебе помочь. Просто подожди. – Он легко поцеловал меня в лоб, хотя я и пыталась увернуться. – Ну а

теперь иди отдохни.

Сад начал выцветать, и я провалилась во тьму обычного сна.

Восемь

На протяжении нескольких последующих дней я безо всяких происшествий ходила по пятам за Кристианом. И по мере того как шло время, нетерпение внутри нарастало все сильнее.

Прежде всего, потому, что стало ясно – быть стражем в огромной степени означает просто ждать. Я всегда знала это, но в жизни все оказалось труднее. Стражи абсолютно необходимы в случае нападения стригоев, однако в жизни стригои нападают очень редко. Могут пройти годы, на протяжении которых стражу не придется участвовать ни в одном конфликте. Конечно, во время полевых испытаний инструктора не заставляли нас ждать так долго, но в то же время стремились научить терпению и пониманию того, как важно не расслабляться, даже если вроде бы нет никакой опасности.

Вдобавок нас обязали действовать в чрезвычайно жестких условиях: всегда стоять и всегда вести себя официально. Стражи, живущие в семьях мороев, по большей части ведут себя естественно и делают обычные вещи, одновременно не утрачивая настороженности в отношении любой возможной угрозы. Однако рассчитывать на это можно не всегда, поэтому наша школьная практика протекала в максимально трудных условиях.

Бесконечное ожидание повышало уровень нетерпения, но

не оно было главной причиной грызущей меня неудовлетворенности. Мне отчаянно хотелось оправдаться в глазах всех, исправить промахи, допущенные во время нападения Стэна. Мейсона я больше не видела и решила, что то видение точно результат переутомления и стресса. Это радовало, конечно, любая причина лучше, чем быть безумной или неумелой.

Однако радовало далеко не все. Когда однажды после уроков мы с Кристианом встретились с Лиссой, я уловила излучаемые ею беспокойство, страх и гнев. Только благодаря нашей связи почувствовала – внешне она выглядела совершенно спокойной. Эдди и Кристиан о чем-то разговаривали и ничего не заметили.

Я подошла к Лиссе и обхватила ее рукой.

– Все будет хорошо.

Я знала, что ее беспокоит. Виктор.

Еще раньше мы решили, что Кристиан – несмотря на его готовность «позаботиться обо всем» – вряд ли в состоянии обеспечить нам участие в судебном разбирательстве. Поэтому в один из дней, используя всю свою дипломатичность, Лисса очень вежливо заговорила с Альбертой о возможности для нас выступить свидетелями на этом суде. Альберта, тоже очень вежливо, ответила ей, что это даже не обсуждается.

– Я думала, если просто объяснить... почему это так важно... они позволят нам поехать, – шептала мне Лисса. – Роза, я не могу спать... все думаю и думаю об этом. Что, если он окажется на свободе? Что, если его отпустят?

Голос у нее дрожал, я ощущала в ней прежнюю уязвимость, которая долгое время отсутствовала. Это вызвало поток воспоминаний о тех временах, когда Лисса в огромной степени зависела от меня. В последнее время я радовалась тому, какой сильной, самостоятельной она стала, и хотела сделать все, чтобы такой она и оставалась. Я на ходу крепко сжала ее руку.

– Он не вырвется на свободу, – сказала я решительно. – Мы будем участвовать в этом разбирательстве. Я позабочусь об этом. Ты же знаешь, я никогда не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Она с легкой улыбкой прислонила голову к моему плечу.

– Вот что я люблю в тебе. Ты понятия не имеешь, как оказаться при дворе, но упрямо повторяешь это, чтобы заставить меня чувствовать себя лучше.

– И получается?

– Да.

Беспокойство все еще снедало ее, но чуть-чуть отступило – ей стало легче. Плюс, хотя она и поддразнила меня насчет самоуверенного обещания, оно реально успокоило ее.

К несчастью, в последнее время выяснилось, что у Лиссы есть другой повод для огорчений. Она надеялась, что, когда лекарства выйдут из организма, ей удастся снова обратиться к магии. Магия была внутри ее – мы обе чувствовали это, – но Лисса почему-то никак не могла к ней прикоснуться. Прошло три дня, но ничего не изменилось. Я сочувствовала ей,

но больше всего меня волновало ее душевное состояние. По счастью, пока оно оставалось стабильным.

– Не понимаю, что происходит, – жаловалась она. – Вроде бы сейчас я уже должна делать хоть что-то, но ничего не получается. Я застряла.

К этому моменту мы уже почти дошли до здания, где находились столовая и другие общественные помещения, – Лисса с Кристианом хотели посмотреть кино. У меня невольно мелькала мысль: насколько трудно смотреть кино и одновременно быть настороже.

– Может, это не так уж и плохо.

Я отошла от Лиссы, чтобы проверить дорожку впереди.

Она бросила на меня сочувственный взгляд.

– Ты все время такая беспокойная. Я думала, это моя участь.

– Эй, моя работа – приглядывать за тобой.

– На самом деле это моя работа, – сказал Эдди шутливым тоном, что было для него большой редкостью.

– Никому из вас не стоит тревожиться, – сказала Лисса. – Во всяком случае, по этому поводу.

Кристиан обхватил ее рукой за талию.

– Ты такая нетерпеливая – даже больше, чем Роза. Все, что тебе нужно, это...

Это было déjà vu. Из маленькой рощицы выскочил Стэн, бросился к Лиссе, обхватил ее рукой и рывком притянул к себе. Мое тело среагировало мгновенно, без малейших коле-

баний – я ринулась «спасать» ее. Единственная проблема состояла в том, что Эдди тоже среагировал молниеносно, причем он был ближе и оказался впереди меня. Я описала круг, попытавшись вмешаться, но без толку, те двое уже приготавились к нападению.

Эдди кинулся на Стэна сбоку, быстро и яростно, с такой силой дернув его за руку, которой тот обхватил Лиссу, что чуть не оторвал ее. Эдди выглядел худощавым и жилистым, и это скрывало, насколько он мускулистый. Стэн вцепился в щеку Эдди, вонзив в нее ногти, однако главной своей цели Эдди достиг – Лисса сумела вывернуться и отбежала к стоящему позади меня Кристиану. Теперь, когда ей не угрожала непосредственная опасность, я зашла сбоку, рассчитывая помочь Эдди – но в этом уже не было нужды. Он схватил Стэна, швырнул на землю и мгновенно приставил к его груди, точно над сердцем, учебный кол.

Стэн засмеялся, явно довольный.

– Прекрасная работа, Кастиль.

Эдди отдернул кол и помог инструктору встать. Только сейчас я заметила, что все лицо Стэна в синяках и ссадинах. Каждый из новичков, может, и нечасто подвергался нападению, но нашим стражам во время полевых испытаний приходилось сражаться практически ежедневно. Им изрядно доставалось, однако они воспринимали это с изяществом и благодушием.

– Спасибо, сэр, – сказал Эдди.

Он выглядел довольным, но без всякой кичливости.

– Конечно, будь я настоящим стригоем, я был бы быстрее и сильнее, но, клянусь, ты со своей скоростью стал бы ему достойным соперником. – Стэн перевел взгляд на Лиссу. – Ты в порядке?

– Все прекрасно.

Ее лицо покраснелось от волнения. Я чувствовала в ней сильный выброс адреналина и радостное возбуждение. Но тут Стэн переключил внимание на меня, и его улыбка погасла.

– А ты... Что с тобой?

Я просто стояла, ошеломленная его резким тоном. В прошлый раз он тоже произнес эти слова.

– Что вы имеете в виду? – воскликнула я. – На этот раз я не замерла, ничего такого! Я была готова поддержать Эдди, использовать любую возможность вмешаться.

– Да, – согласился он. – Но в том-то и проблема. Ты так страстно жаждала нанести удар, что и думать забыла о двух морях у тебя за спиной. Их могли бы запросто прикончить, если бы это зависело только от тебя. Ты повернулась к ним спиной.

Я шагнула к нему, сверля сердитым взглядом и не заботясь о том, не выхожу ли я за нормы поведения.

– Это несправедливо! Если бы мы находились в реальном мире и стригой действительно напал, вы не говорили бы, что второй страж не должен вмешиваться и делать все, что в его

силах, чтобы как можно быстрее прикончить стригоя.

– Тут ты, скорее всего, права, – ответил Стэн, – но действовала не самым эффективным образом и не думала о морях, оставшихся без защиты. Ты думала только о том, как бы быстрее и эффективнее искупить свою прошлую ошибку.

– Ч-ч-что? А вы не слишком торопитесь с выводами? Характеризуете мои действия, основываясь на собственном представлении о моих мотивах. Откуда вам знать, о чем я на самом деле думала?

Я зачастую и сама этого не знаю.

– Инстинкт, – загадочно ответил он, достал блокнот и сделал в нем какие-то пометки.

Как мне хотелось разглядеть, что он там накорябал обо мне! Закончив, он захлопнул блокнот, сунул его в карман куртки и кивнул всем нам.

– Увидимся позже.

Мы провожали его взглядами, пока он шагал по заснеженному двору к гимнастическому залу, в котором тренировались дампиров. Поначалу я не могла даже выдать из себя ни слова. Когда эти люди кончат ко мне придирааться? Меня снова и снова подлавливают на глупых технических деталях, не имеющих никакого отношения к тому, как мне предстояло действовать в реальном мире.

– Это несправедливо. Как он может судить меня, понятия не имея, о чем я думала?

Эдди пожал плечами и зашагал к спальному корпусу.

– Он может думать все, что угодно. Он наш инструктор.

– Да, но он наверняка поставит мне еще одну плохую отметку! Полевые испытания бессмысленны, если они не учат реально действовать против стригоев! Просто в голове не укладывается. Я компетентна... действительно компетентна. Как, скажите на милость, мне можно приписать еще один провал?

Никто не знал ответа на этот вопрос, но Лисса попыталась найти золотую середину.

– Ну... справедлив он или несправедлив, в одном он абсолютно прав – ты был великолепен, Эдди.

Мне стало не по себе оттого, что я позволила собственным драматическим обстоятельствам вытеснить из головы его успех. Я разозлилась – ух, как я разозлилась! – но несправедливость Стэна – моя проблема, и мне ее улаживать. Эдди действовал блестяще; пока мы шли, все хвалили его с такой страстью, что он даже покраснел. А может, это было просто от холода. Не важно. Я искренне порадовалась за него.

Мы расположились в незанятой комнате отдыха, где было тепло и уютно. В каждом корпусе имелось несколько таких комнат, и во всех можно было смотреть кино или играть в игры, сидя в удобных креслах и на кушетках. Эти комнаты были доступны для студентов в строго определенное время: в выходные – постоянно, а на неделе лишь на протяжении нескольких часов, чтобы не отвлекать от выполнения домашних заданий.

Мы с Эдди осмотрели комнату, обговорили и заняли свои позиции. Стоя у стены, я с завистью смотрела на кушетку, на которой устроились Лисса и Кристиан.

Я опасалась, что кино помешает мне сохранять настороженность, но на самом деле если что и отвлекало меня, то собственные взбаламученные чувства и мысли. Я все никак не могла поверить, что Стэн сказал то, что сказал. Он даже согласился, что в разгаре битвы любой страж должен стремиться принять участие в схватке. Его аргументы, будто я руководствовалась стремлением к славе, абсурдны. Невольно возникал вопрос: а не провалю ли я, в самом деле, эти полевые испытания? Что, если по их окончании у меня заберут Лиссу? Альберта и Дмитрий говорили, что это просто эксперимент с целью дать нам с Лиссой возможность пройти новый вид обучения, но внезапно беспокойная, параноидная часть меня начала задаваться вопросами. Эдди прекрасно защищает ее. Может, они хотят посмотреть, насколько хорошо она сможет сотрудничать с другими стражами? Может, они опасаются, что я хороша, лишь когда защищаю ее, а не других мороев, – в конце концов, я же допустила гибель Мейсона? Может, реальное испытание в том, чтобы посмотреть – не стоит ли меня заменить? В конце концов, кто я такая? Обычный новичок. А она принцесса Драгомир. Она всегда будет иметь защиту – и не обязательно в моем лице. Наша связь не имеет смысла, если во всем остальном я некомпетентна.

Появление Адриана приостановило пляску уничижительных мыслей. Он вошел в темную комнату, рухнул в соседнее кресло и подмигнул мне. Я знала, его появление лишь вопрос времени. Думаю, в кампусе мы были его единственным развлечением. А может, и нет – судя по исходящему от него сильному алкогольному духу.

– Ты трезв? – спросила я, когда кино кончилось.

– В достаточной мере. Как у вас дела, ребята?

После той встречи в саду Адриан не проникал в мои сны. Он также прекратил заигрывания. В основном, появляясь, он работал с Лиссой или просто скрашивал скуку.

Мы пересказали ему наше столкновение со Стэном, упирая на храбрость Эдди и не упоминая о полученном мной нагоняе.

– Хорошая работа, – сказал Адриан. – Похоже, ты тоже получил свои боевые шрамы.

Он кивнул на щеку Эдди, где пламенели три красные отметины. Я вспомнила, как ногти Стэна впились в Эдди.

Эдди коснулся щеки.

– Я их почти не чувствую.

Лисса наклонилась вперед, вглядываясь в его лицо.

– Ты получил их, защищая меня.

– Я получил их, чтобы выдержать полевые испытания, – пошутил он. – Не волнуйся за меня.

И тут это произошло.

Я увидела, как Лисса оказалась во власти сочувствия и

непреодолимого желания помочь, которое так часто переполняло ее. Для нее было невыносимо смотреть на страдания, просто сидеть сложа руки, если она могла сделать что-то. Я почувствовала, как сила поднимается в ней – великолепное, головокружительное ощущение, от которого, как иголочками, покалывало кончики пальцев. Мне уже пришлось испытывать, как эта сила воздействует на нее: огонь и несказанное блаженство, опьянение в своем роде. Она дотронулась до лица Эдди...

И отметины исчезли.

Лисса уронила руку. Эйфория духа начала постепенно покидать нас обоих.

– Вот это да! – пробормотал Адриан. – Ты и впрямь не шутила насчет этого. – Он уставился на щеку Эдди. – Черт побери, ни малейшего следа!

Лисса откинула голову на спинку кушетки и закрыла глаза.

– Получилось! Я по-прежнему могу делать это.

– Конечно можешь! – Адриан махнул рукой. – Теперь давай покажи мне, как это делать.

Она открыла глаза.

– Не так-то это легко.

– А-а, понимаю, – многозначительно произнес он. – Ты терзаешь меня, точно сумасшедшая, расспрашивая о том, как видеть ауры и проникать во сны, а теперь не желаешь раскрывать свои секреты.

– Дело не в «нежелании», – возразила она. – Я не могу.

– Ну, кухня, попробуйся.

Внезапно он с такой силой расцарапал собственное лицо, что потекла кровь.

– Господи! – воскликнула я. – Ты в своем уме?

Ничего себе шуточки!

Лисса дотронулась до его кожи... и исцелила ее, в точности как прежде. Ее переполняла бурная радость, но мое настроение внезапно упало, безо всякой видимой причины.

Эти двое затеяли дискуссию, которую я практически не понимала, поскольку они использовали не только стандартные магические термины, но также изобретенные прямо тут, на месте. Судя по выражению лица Кристиана, он тоже не врубался. Вскоре стало ясно, что в своем желании постигнуть таинства духа Адриан и Лисса начисто забыли о нас.

В конце концов Кристиан встал со скучающим видом.

– Пошли, Роза. Ощущение, будто на уроке сидишь. Я голоден.

Лисса подняла на него взгляд.

– Обед через полтора часа.

– Я еще сегодня не «кормился», – ответил он.

Он чмокнул Лиссу в щеку и ушел, я последовала за ним. Снова начался снегопад. Снежинки порхали вокруг, я провожала их сердитым взглядом. Когда в начале декабря впервые выпал снег, я была вне себя от радости. Теперь же эта бесконечная белизна жутко приелась. Однако, как и несколь-

ко ночей назад, резкий холод подействовал благотворно на мое настроение. С каждым шагом я чувствовала, что успокаиваюсь.

«Кормильцами» мы называем людей, которые добровольно снабжают мороев своей кровью. В отличие от стригоев, убивающих свои жертвы, чтобы напиться крови, морои берут ее совсем понемногу каждый день и, соответственно, не убивают донора. Укус вампира дает «кормильцу» ощущение кайфа, и они рады жить такой жизнью, даже вдали от нормального человеческого сообщества. Дико, конечно, но морои без этого не могут. В ночные часы школа обычно имеет одного-двух «кормильцев» в спальнях корпусах мороев, но в основном студенты «кормятся» в дневное время, ежедневно.

Я шла, упиваясь зрелищем белых деревьев, белых оград и белых валунов, и вдруг что-то еще белое в ландшафте привлекло мое внимание. Ну, не совсем белое. Скорее бледное, почти бесцветное.

Я резко остановилась, широко распахнув глаза. На другой стороне внутреннего двора стоял Мейсон, почти сливаясь с деревьями.

«Нет!» – подумала я.

Мне удалось убедить себя, что с этим покончено, но вот он, тут, с грустным, призрачным лицом смотрит на меня. Он опять указывал куда-то в дальнюю часть кампуса, и опять, посмотрев в ту сторону, я не поняла, что он имеет в виду. Я замерла, чувствуя, как внутри нарастает страх.

Холодная как лед рука дотронулась до моей шеи, и я резко обернулась. Кристиан.

– Что с тобой? – спросил он.

Я посмотрела туда, где только что видела Мейсона. Он исчез, конечно. Я на мгновение зажмурилась и вздохнула. Потом снова повернулась к Кристиану и пошла дальше, бросив на ходу:

– Ничего.

Обычно Кристиан всегда щедр на остроумные замечания, когда мы вместе, но на протяжении оставшегося пути он молчал. Я была поглощена собственными мыслями и тревогами из-за Мейсона, поэтому тоже не разговаривала. Видение сохранялось всего несколько секунд. Учитывая, как трудно разглядеть его на таком фоне, казалось, что это, скорее всего, обман. Всю дорогу я силилась убедить себя в этом. Только когда мы вошли в здание столовой и окунулись в тепло, до меня дошло, что с Кристианом что-то неладно.

– Ты в порядке? – спросила я, стараясь выкинуть из головы мысли о Мейсоне.

– В полном.

– То, как ты это говоришь, наводит на мысль, что нет, что-то не так.

Он не произнес ни слова, пока мы шли к комнате «кормильцев». Там было больше народу, чем я ожидала; все кабинки с «кормильцами» были заполнены мороями. Одним из них оказался Брендон Лазар. Глядя, как он «ест», я за-

метила на его щеке уже побледневший зеленоватый синяк и вспомнила, что так и не выяснила, кто его избил. Кристиан отметился у мороя на входе и теперь стоял, ожидая, пока его позовут. Я напряженно думала, пытаюсь вычислить, отчего у него испортилось настроение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.